

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (73) — 2014

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; кандидат социологических наук,
старший преподаватель)

Тел./факс в Иванове: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2014
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 4 (73) — 2014

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),

S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher

(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),

Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),

Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),

Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences),

Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),

N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),

I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39

Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,

www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ББК 65.240.592-18

О. А. Хасбулатова

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Связь между эффективной кадровой политикой и обеспечением достойного уровня жизни населения неоспорима. От качества профессионального образования, квалификации работников, их способности быстро воспринимать технологические инновации и трудиться с полной отдачей сил зависит не только уровень благосостояния занятого населения, но и динамика экономического развития страны. В этом аспекте становится все более очевидной актуальность использования современных технологий совершенствования управления человеческими ресурсами как в масштабах страны, так и на уровне профессиональной организации.

В теории управления персоналом общепризнано, что главный стратегический ресурс любой компании — это кадры. Однако в научных работах и учебных пособиях по этой проблематике, как правило, речь идет об управлении персоналом в целом, без уточнения, что в трудовом коллективе работают мужчины и женщины, занимающие нередко одинаковые должности, но обладающие разными социальными характеристиками.

Исследования, освещающие гендерные аспекты трудовых отношений, можно разделить на две категории. В работах, где применяется гендерный подход, анализ кадровой политики осуществляется с учетом социокультурных различий между полами [2, 3, 11, 15, 17]; там же, где различия в стилях управления и отношениях между работниками — мужчинами и женщинами объясняются биологическими особенностями полов, а стили управления делятся на «мужские» и «женские», изучение различных направлений кадровой политики осуществляется с позиции биодетерминистского подхода [14].

В данной статье в качестве методологии исследования предлагается гендерный подход. *Применительно к кадровой политике под гендерным подходом понимается методология учета гендерной специфики трудовых отношений в сфере занятости населения, а также совокупность последовательных операций, приемов, методик, программ, которые используются в государстве и профессиональной организации в целях достижения гендерного баланса при подготовке,*

расстановке и продвижении мужского и женского кадрового потенциала. Важным компонентом гендерного подхода в кадровой политике является прогнозирование последствий ее реализации с учетом интересов мужчин и женщин.

В предлагаемой статье планируется рассмотреть, как реализуется гендерный подход на уровне государственной кадровой политики по направлениям профессионального образования, занятости населения, развития персонала в профессиональной организации, продвижения женщин и мужчин на уровень принятия решений.

В качестве показателей эффективности применения гендерного подхода к кадровой политике использованы следующие их виды: объективные (нормативно-правовые акты и статистические данные); характеризующие гендерную асимметрию (соотношение численности полов, занятых в различных отраслях экономики и социальной сферы, уровней их заработной платы, степени карьерного продвижения и др.); показатели равенства результатов (статистические данные об уровне профессионального образования, степени вовлеченности мужчин и женщин в общественное производство, их представленности на уровне принятия решений и др.).

Прежде всего следует отметить, что Российская Федерация ратифицировала Конвенцию МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий, положения которой предписывают государствам проводить политику, обеспечивающую равенство возможностей мужчин и женщин при доступе к профессиональному обучению, к труду, различным занятиям, исключая дискриминацию по полу при оплате труда и создании условий труда [9].

Возможность получения профессионального образования независимо от половой принадлежности гарантируется в Российской Федерации ст. 19 Конституции РФ [10]. Анализ показывает, что в течение последних двух десятилетий в России сохраняется тенденция фактического равноправия в области вовлечения женщин и мужчин в сферу профессионального образования. Если проанализировать количество обучающихся в профессиональных учебных заведениях по полу, можно сделать вывод, что юноши и девушки имеют равные возможности в выборе профессии. Так, в образовательных учреждениях среднего профессионального образования учатся 48 % девушек и 52 % юношей, в высших учебных заведениях — 56 % девушек и 44 % юношей [6, с. 95]. В целом в России сложился достаточно высокий уровень профессионального образования населения. 79,6 % женщин и 72,5 % мужчин, занятых в экономике, имеют соответствующее профессиональное образование [6, с. 123].

Однако, как и в предыдущие исторические периоды [17], в системе начального, среднего и высшего профессионального образования девушки сосредоточены на гуманитарно-социальных специальностях, на технических специальностях подавляющее большинство составляют студенты-юноши [13]. Так, по направлению «гуманитарные науки» девушки составляют среди студентов вузов 61 %, юноши — 39 %, среди будущих педагогов и врачей девушки составляют соответственно 75 и 73 % [6, с. 99]. Среди студентов, обучающихся по направлениям «машиностроение», «энергетика», юноши составляют абсолютное большинство (82 и 87 %) [6, с. 100]. Аналогичная ситуация сложилась в системе среднего профессионального образования: по направлениям «образование»

и «здравоохранение» преобладают девушки (74 и 83 %); в подготовке кадров для энергетики, транспорта, машиностроения преобладают юноши (90, 89 и 87 %) [6, с. 100]. Среди обучающихся в системе подготовки рабочих кадров девушки составляют 34 %, юноши — 66 % [6, с. 95].

Причина обозначенной диспропорции кроется не в образовательной политике, а в концентрации женщин и мужчин в сегментах рынка, обеспечивающих разный доступ к экономическим ресурсам, в том числе к уровню оплаты труда. С одной стороны, Россия ратифицировала и выполняет Конвенцию МОТ № 100 о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности в рамках конкретной профессии [8]. Однако еще с советских времен в сфере занятости сложилась диспропорция в оплате труда специалистов с высшим и средним профессиональным образованием, когда гуманитарные специальности оплачиваются значительно ниже, чем технические. В совокупности с сохраняющимися в обществе стереотипными представлениями о «мужских» и «женских» профессиях данная политика привела к гендерному дисбалансу в сфере государственной кадровой политики в области профессионального образования. Женщины, имеющие профессиональное образование, но занятые в бюджетных отраслях, относятся к менее оплачиваемым категориям занятого населения, их средняя заработная плата по стране составляет 65 % мужской [13]. В соответствии с гендерным подходом данный тип кадровой политики в сфере занятости характеризуется как горизонтальная профессиональная гендерная сегрегация [15, с. 104—105]. Временные рамки, в которых держится обозначенная тенденция, составляют более полувека.

Здесь целесообразно обратить внимание, что в последнее время государство начало предпринимать целенаправленные меры по повышению уровня заработной платы работникам всех бюджетных отраслей. В соответствии с Указом Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г. к 2018 г. размер заработной платы учителей школ, педагогов учреждений среднего профессионального образования, работников культуры, системы социальной защиты должен достичь уровня средней заработной платы в соответствующем регионе, а у врачей и педагогов, научных сотрудников высших учебных заведений размер заработной платы должен превысить этот уровень вдвое [16]. Данный Указ поэтапно выполняется во всех регионах.

Отсутствие документальных источников не позволяет утверждать, что это решение детерминировано сложившейся гендерной асимметрией в оплате труда. Тем не менее есть основание отнести целенаправленное повышение уровня заработной платы в отраслях, где большинство работников составляют женщины, к социальным технологиям достижения гендерного равноправия в сфере оплаты труда. Можно предположить, что при сохранении такого подхода к оплате труда в бюджетных отраслях приток мужчин для работы в сферах образования и здравоохранения заметно увеличится.

Методика применения гендерного подхода в кадровой политике предполагает учет специфики женского труда, связанной с выполнением женщинами репродуктивной функции. В рыночных условиях прерывистость в трудовой деятельности женщин, связанная с рождением детей, снижает их конкурентоспособность на рынке труда. Практика показывает, что в настоящее время

федеральные органы управления инициировали ряд мер, направленных на поддержку женщин, желающих вернуться в профессиональную деятельность после завершения отпуска по уходу за ребенком. Это, прежде всего, Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы», решение Правительства РФ о целевом выделении регионам финансовых субсидий для строительства детских дошкольных учреждений с целью ликвидации очередей в детские сады: до 2016 г. — для детей в возрасте от 3 до 5 лет, до 2018 г. — для всех детей от полутора до 7 лет.

В соответствии с Законом РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (в редакции Федеральных законов от 2 июля 2013 г. № 162-ФЗ, от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) [12] в регионах начала применяться технология, направленная на повышение конкурентоспособности молодых матерей на рынке труда. Женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет, получили возможность пройти профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации. Финансирование обучения осуществляет федеральный бюджет через службы занятости, при этом женщинам выплачивается ежемесячная стипендия. Целью проведения этого обучения является восстановление квалификации или получение новых профессиональных компетенций женщинами, утратившими профессиональные навыки за время отсутствия на рабочем месте по причине рождения и воспитания детей. Практика показывает, что обучение проводится под конкретное рабочее место, по профессиям, не требующим высокой квалификации.

С 2013 г. Министерство образования и науки РФ начало эксперимент по обучению молодых женщин в возрасте до 23 лет, имеющих одного и более детей, на подготовительных отделениях федеральных вузов. Обучение проводится в дистанционной форме, его цель — подготовить молодых матерей к поступлению в высшее учебное заведение на бюджетные места.

Данные технологии направлены на сохранение высокого уровня экономической активности женщин, поскольку их трудовая деятельность необходима для обеспечения семейного бюджета. Масштабы этих проектов пока ограничены, однако при их продолжении в течение ближайшего десятилетия можно предположить положительную динамику в процессе возвращения молодых матерей в профессиональную деятельность.

Анализ условий, в которых трудятся мужчины и женщины, не позволяет выявить какие-либо устойчивые тенденции достижения гендерного баланса. По данным статистики, в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, в России работает каждая третья женщина и каждый второй мужчина [6, с. 137, 138]. При этом данный показатель по сравнению с 2000 г. имеет тенденцию к ухудшению [5, с. 70, 71]. Следует отметить, что продолжает действовать федеральный законодательный акт, углубляющий гендерный дисбаланс на рынке труда. Это постановление Правительства РФ № 162 от 25 февраля 2000 г., содержащее перечень из 456 профессий с тяжелыми и вредными условиями труда, по которым запрещены профессиональная подготовка и применение женского труда. Нет оснований однозначно оценить данный документ

как дискриминационный, поскольку в соответствии с п. 3 ст. 1 Конвенции МОТ № 111 «любое различие, недопущение или предпочтение в отношении определенной работы, основанное на специфических требованиях таковой, не считается дискриминацией» [9, с. 1]. Действительно, в перечне содержатся профессии, связанные с тяжелым физическим трудом в экстремальных условиях (в литейном цехе, на высоте, на открытых горных работах и т. д.).

Однако, полагаю, что не все так просто. Если эти профессии, наносящие вред здоровью, запрещены для женщин, то почему в таких условиях могут работать мужчины, продолжительность жизни которых значительно ниже, чем у женщин? Очевидно, что данные ограничения обуславливают недостаточную деятельность работодателей по техническому переоснащению производства в целом, поэтому есть основания утверждать, что запрет на профессии во вредных производствах для женщин нарушает права мужчин на труд, не сокращающий продолжительность их жизни. В условиях, когда смертность российских мужчин в трудоспособном возрасте в 3,6 раза превышает смертность трудоспособных женщин [6, с. 39], становится очевидной необходимость государственного регулирования политики по техническому переоснащению и модернизации производства, созданию благоприятных условий труда для работников обоего пола.

Рассмотрим, учитываются ли гендерные аспекты при карьерном продвижении женщин и мужчин внутри профессиональной организации. По этому направлению кадровой политики интерес представляют результаты исследования «Карьерные возможности женщин в сфере бизнеса» о динамике карьерных возможностей женщин и мужчин в 2008—2012 гг., проведенного специалистами РвС и Ассоциации менеджеров России. Анализ показал, что в 2012 г. количество женщин, занимающих должность генерального директора, было в 3,8 раза меньше, чем мужчин (21 против 79 %). При этом данный показатель является результатом положительной динамики, поскольку в 2008 г. это соотношение составляло 13 против 87 %. С 49 до 60 % возросло и количество женщин, занимающих должности финансовых директоров в сфере бизнеса. Кроме того, по мнению экспертов, на должностях более низкого уровня — главного бухгалтера, директора по персоналу, директора по маркетингу доля женщин остается традиционно высокой [7].

Представить подобный анализ в сфере экономики на основе официальной статистики не представляется возможным, поскольку в статистических сборниках Росстата такая информация отсутствует. Так, в статистическом сборнике «Женщины и мужчины России» за 2012 г. в разделе «Занятые в экономике по группам занятий» в одну графу объединены руководители органов власти и организаций, соотношение составляет 40 и 60 % в пользу мужчин [6, с. 121]. В то же время статистика предоставляет возможность выявить динамику карьерного продвижения женщин в социальной сфере на примере отрасли образования. По категории «директора общеобразовательных учреждений» динамика за последние 12 лет выглядит следующим образом: в 2000 г. среди директоров женщины составляли 82 %, мужчины — 18 % [5, с. 54]; в 2012 г. среди руководителей школ было уже 26 % мужчин и 74 % женщин [6, с. 101]. Думается, что гендерный дисбаланс в пользу женщин в этой категории руководителей

свидетельствует не о целенаправленной политике по карьерному продвижению женщин, а о низком уровне оплаты труда в сфере образования. Сложившаяся динамика показывает, что по мере роста заработной платы в этой отрасли количество мужчин среди руководителей будет и дальше возрастать.

Эту закономерность подтверждает устойчивый гендерный дисбаланс в категории руководителей высших учебных заведений, уровень оплаты труда которых значительно выше, чем в системе общего образования. Так, в 2000 г. среди ректоров доля женщин составляла 5 %, в 2012 г. — 11 %, что трудно определить как значимую положительную динамику [5, с. 55; 6, с. 102].

Научный интерес представляет определение степени применения гендерного подхода в кадровой политике по обеспечению равноправия полов на уровне принятия решений в сфере государственной и муниципальной службы. По формальному признаку женщины составляют большинство среди работников, замещающих должности гражданской и муниципальной службы по всем ветвям власти: в государственных органах федерального уровня и на уровне субъектов среди сотрудников женщины составляют 71 %, мужчины — 29 %; на муниципальных должностях — 75 и 25 % [6, с. 237]. Однако изучение гендерной иерархии государственных должностей федерального и регионального уровней показывает, что система расстановки кадров в этой сфере осуществляется в рамках традиционных гендерных ролей, когда за мужчинами закрепляются «высшие», а за женщинами — «низшие» посты. Так, высшие должности федеральной государственной службы занимают 77 % мужчин и 23 % женщин [6, с. 241], аналогичная тенденция и в группах должностей специалистов, где на высших должностях трудится 75 % мужчин и 25 % женщин [6, с. 242]. Анализ показывает, что сосредоточение женщин на низших уровнях должностной лестницы характерно для всех ветвей государственной власти [6, с. 236, 266].

Аналогичная ситуация наблюдается и на уровне законодательных органов власти. В Государственной думе VI созыва из 450 депутатов — 65 женщин, или 14 % от общего числа депутатов, а среди руководителей 33 профильных комитетов и комиссий — всего 4 женщины. В Совете Федерации среди сенаторов 15 % женщин — представителей субъектов РФ. В составе Правительства трудятся 2 женщины — заместитель Председателя Правительства и министр здравоохранения [11, с. 15]. Примечательно, что аналогичная ситуация имела место и 14 лет назад [5, с. 103, 104], т. е. речь идет о стабильной вертикальной гендерной сегрегации на рынке труда.

Таким образом, есть основания сделать вывод, что в сфере государственного управления в течение последних 20 лет приоритет полностью сохраняется за мужчинами. Разделяю точку зрения ученых, которые отмечают, что гендерные отношения, складывающиеся на государственной службе, имеют статус «властности» и зависимы от должностного признака [1, 11]. Очевидно, что отсутствие сбалансированного участия женщин и мужчин в процессе принятия государственных решений снижает эффективность внутренней политики государства. Низкое представительство женщин в органах власти не позволяет использовать их многогранный опыт, творческие возможности и профессиональные знания в выборе приоритетов экономической и социальной политики, вступает в противоречие с принципами демократической политической системы.

Международная практика, однако, показывает, что многим странам удалось добиться представительства женщин в парламентах на уровне одной трети и более от общего числа депутатов. Россия же делит 84-е место с Гвинеей-Бисау, 85-е место занимает Камерун [4].

Анализ ряда направлений кадровой политики с точки зрения гендерного подхода позволяет утверждать, что, несмотря на более высокий, чем у мужчин, уровень профессионального образования, трудовой потенциал российских женщин реализуется не в полном объеме. Принимаемые государством меры по повышению трудовой активности женщин, уровня заработной платы работников бюджетной сферы, ликвидации очередей в дошкольные учреждения можно назвать *политикой гендерного прагматизма*, детерминированного потребностями экономики и социальной сферы в женщинах как квалифицированных специалистах.

Целесообразно обозначить ряд социальных технологий, способных продвигать внедрение гендерного подхода в государственную кадровую политику. Работа в этом направлении должна продолжаться и иметь характер не эпизодических решений, а долгосрочной целевой программы по смягчению гендерных различий в сфере занятости населения и обеспечению равных карьерных возможностей для женщин и мужчин. Для решения данной задачи желательно иметь квалифицированных экспертов в области гендерной политики, поэтому *целесообразно ввести учебную дисциплину по основам применения гендерного подхода в управлении в государственный образовательный стандарт специальностей «Управление персоналом» и «Государственное и муниципальное управление».*

Хотелось бы также обратить внимание на *механизм квотирования*, который успешно применяется во многих странах с целью обеспечения пропорционального представительства женщин и мужчин в органах власти и на руководящих должностях. Политической и бизнес-элитой нашей страны эта технология не используется, хотя именно России принадлежит первенство в ее применении. В 1920-х гг. с целью вовлечения женщин в систему профессионального образования для них была введена 25 %-я квота на рабфаках высших технических учебных заведений, 35 %-я квота на рабфаках текстильных институтов и техникумов [17, с. 115]. Технология носила временный характер и по мере решения проблемы была отменена. Полагаю, что для повышения степени участия женщин в сфере управления она и сегодня не потеряла актуальности.

Обозначу еще одну непростую для нашего общества проблему. Анализ международной практики показывает, что Россия относится к числу немногих стран, где пенсионный возраст женщин начинается в 55 лет, на 5 лет раньше, чем у мужчин. Между тем *выравнивание возраста выхода на пенсию между мужчинами и женщинами* могло бы стать эффективной технологией повышения конкурентоспособности женщин на рынке труда.

В статье нашла отражение лишь часть проблем, связанных с применением гендерного подхода в кадровой политике. Поскольку это направление внутренней политики государства является одним из важных факторов достижения экономического и социального развития страны, данная тема исследования остается актуальной как в научном, так и в практическом отношении.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Российские выборы: гендерное прочтение. М. : Московские учебники и Картолиотография, 2008. 440 с.
2. Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / отв. ред. и сост. М. Е. Баскакова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 336 с.
3. Гендерный подход в деятельности государственных и муниципальных служащих : учебное пособие / под ред. О. А. Хасбулатовой. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. 150 с.
4. Женщины в политике: «за» и «против». URL: http://www.spravedlivie.ru/i_ghenthiny_v_politike_za_i_protiv.htm (дата обращения: 18.10.2014).
5. Женщины и мужчины России : краткий статистический сборник / Госкомстат России. М., 2000. 110 с.
6. Женщины и мужчины России, 2012 : статистический сборник / Росстат. М., 2012. 299 с.
7. Количество женщин-руководителей за последний год увеличилось почти вдвое. Исследование PwS и Ассоциации менеджеров «Карьерные возможности женщин в сфере бизнеса». URL: <http://m.rb.ru/article/kolichestvo-jenshin-rucovoditeley-za-posledniy-god-uvelichilos-pochti-vdvoe/6890837.html> (дата обращения: 16.10.2014).
8. Конвенция Международной организации труда № 100 о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности. URL: <http://old.vkr.ru/doc/c100.html> (дата обращения: 05.10.2014).
9. Конвенция Международной организации труда № 111 о дискриминации в области труда и занятий (Женева, 25 июня 1958 г.). URL: <http://www.kadrovik.ru/konventsiya.mot.ot.25.06.58.n.111.html> (дата обращения: 05.10.2014).
10. Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.ru> (дата обращения: 11.10.2014).
11. Коростылёва Н. Н. Гендерное измерение кадровых процессов на государственной гражданской службе // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 12—18.
12. О занятости населения в Российской Федерации : Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.10.2014).
13. Росстат подсчитал, сколько в России мужчин и женщин и чем они занимаются. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/01/25/057/> (дата обращения: 07.10.2014).
14. Сверхун О. Управление персоналом: гендерный подход // *Справочник кадровика*. 2012. № 6. URL: <http://www.pro-personal.ru/journal/826/384587/> (дата обращения: 15.10.2014).
15. Социология гендерных отношений : учебное пособие для студентов вузов / под ред. З. М. Саралиевой. М. : РОССПЭН, 2004. 270 с.
16. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597. URL: <http://subsidiy.net/центр-занятости=населения/новости/item/123-указ-президента-п-597/html> (дата обращения: 07.10.2014).
17. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.

ББК 60.524.4

С. Г. Айвазова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА В СТРАНАХ СНГ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ЭФФЕКТЫ МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ

Создание Евразийского экономического союза на базе стран — участников СНГ в мае 2014 г., а также массовые протесты 2013—2014 гг., переросшие в вооруженные конфликты на постсоветском пространстве, стали импульсом к написанию этой статьи — во многом постановочной, не претендующей на всеохватное освещение темы. Поместив в центр работы проблему трансформации гендерного порядка на пространстве СНГ¹, я исходила из того, что гендер эвристичен по своей природе. Он является таким инструментом политологического анализа, который позволяет обнаружить тенденции социального процесса, дает возможность понять, что лежит в основе происходящих событий.

В рамках неинституционализма, одного из направлений современного общественного знания, гендерный порядок определяется как институционализация осознаваемых половых различий. Гендер же рассматривается как важнейший институт, который наличествует во всех областях жизни — в экономике, на рынке труда, в политике, семье, государстве (см. подробнее: [1]). И как любой институт, он подвержен трансформациям. Э. Остром, нобелевский лауреат в области экономики за 2009 г., в свое время справедливо отметила: «В широком смысле институты — это предписания, которые люди используют для организации всех форм повторяющихся и структурированных взаимодействий, в том числе в рамках семьи, соседей, рынков, фирм, спортивных ассоциаций, церквей, частных ассоциаций и правительств на всех уровнях. Индивиды, взаимодействующие в структурированных правилами ситуациях, стоят перед выбором в отношении действий и стратегий, которые они предпринимают и которые приводят к последствиям для них самих и для других» [20, р. 5].

К проблеме трансформации гендерного порядка на пространстве СНГ с разных сторон и в разное время обращались такие авторитетные исследователи, как О. Воронина [4], Е. Гапова [5], Т. Журженко [9], Е. Здравомыслова и А. Тёмкина [10] и другие. Мои исходные позиции совпадают с общими интенциями их анализа. И главное, пожалуй, заключается в том, что каждая из нас признает неразрывность и взаимообусловленность формирования

© Айвазова С. Г., 2014

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (руководитель С. В. Патрушев, Институт социологии РАН, Москва).

¹ Для сопоставления в статье будут также использоваться ссылки на ситуацию в странах Балтии: Латвии, Литве, Эстонии.

национальных и гендерных идентичностей, тесную связь гендерных репрезентаций с проектами национального строительства.

Но прежде чем перейти к анализу трансформации гендерного порядка на постсоветском пространстве, напомним об истории создания СНГ. Она по-своему знаменательна. Решение о создании Содружества Независимых Государств было принято в глуши Беловежского заповедника 8 декабря 1991 г. лидерами трех республик — Белоруссии, России и Украины, входивших до этого момента в СССР. Они подписали «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств», которое вошло в историю под неформальным названием «Беловежское соглашение». СНГ было задумано как региональная международная организация, призванная регулировать вопросы сотрудничества между бывшими республиками СССР. Вслед за этим Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил собраться уже более широким составом лидеров этих республик для уточнения позиций по вопросу о соглашении. Встреча состоялась 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате. На нее приехали главы 11 республик: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины. Отсутствовали 3 балтийские республики: Латвия, Литва, Эстония, а также Грузия. Результатом встречи стало подписание Алма-Атинской декларации. В ней излагались принципы построения СНГ в качестве добровольного образования, которое не является надгосударственным и действует с учетом принципа равноправия стран — участниц данного договора. В 1993 г. действительным членом СНГ стала Грузия, в 2009 г. она покинула Содружество. Украина, не ратифицировавшая Устав СНГ, сохранила статус его учредителя, но де-юре так и не вошла в число его участников. Устав СНГ объявлял одной из главных целей его деятельности обеспечение прав и свобод человека [16]. Таким образом, достижение гендерного равноправия как одной из составляющих обеспечения прав и свобод человека также вошло в функционал СНГ.

В багаже государств — участников Содружества на момент его основания имелся советский опыт выравнивания социальных позиций женщин и мужчин, который сформировал особый гендерный порядок. Каким был этот порядок? Противоречивым — в чем-то плодотворным, в чем-то сугубо декларативным. Женщины получили право на труд, но более четырехсот профессий были для них закрыты. Женщины получили право на образование, но такие престижные вузы, как МГИМО или МФТИ, оказались для них недоступными. Женщины получили право на общественно-политическую деятельность, но далеко не на всех этажах государственного управления. И так далее. В рамках сюжета этой статьи важно подчеркнуть, что социальные эффекты советской эмансипации в каждой из национальных республик имели свои особенности². И тем не менее в главных своих чертах советский гендерный порядок был для всех единым. Его можно определить как государственный патернализм, основанный на формальной норме равноправия полов и скрытой дискриминации женщин (см. подробнее: [1, с. 72]). Потенциально в ситуации исторической

² На этот факт обращает внимание А. Тёмкина в своей замечательной книге «Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой» [17, с. 12—13].

неопределенности, возникшей в момент распада СССР и формирования новых независимых государств, этот порядок мог претерпеть изменения — как в сторону обеспечения реального равенства возможностей женщин и мужчин, так и в сторону углубления неравенства между ними. Подчеркну, что выбор гендерного вектора развития был значим, в том числе и для общего самоопределения новых независимых государств. Почему?

Авторитетный политолог Ч. Тилли, рассуждая о характерных для современной эпохи политических процессах, описывает их в терминах «демократизация» и «де-демократизация». В его концепции эти процессы обеспечиваются, в числе прочего, «нарастанием или ослаблением... *основных категориальных неравенств*» в сфере публичной политики [18, с. 40]. Тилли так поясняет свою мысль: «Социальное неравенство задерживает демократизацию и подрывает демократию в двух случаях: во-первых, когда устойчивые различия... превращаются в обычное категориальное различие по расе, полу, классу... во-вторых, когда эти категориальные различия прямо претворяются в публичную политику» [18, с. 136]. С этой точки зрения категориальные неравенства разрушают демократическую политику: они вводят большой ресурс неравенства в политическую жизнь. В свою очередь, понятие «неравенство» Тилли раскрывает как «отношения между лицами или группами лиц, когда в результате их взаимодействия одна группа получает большие преимущества, чем другая» [18, с. 137]. Отсюда вывод: до тех пор пока в том или ином государстве неравенство преимуществ, т. е. неравенство прав и жизненных шансов (включая шансы тех, кто разделен по признаку пола), предопределяет характер принятия решений, влияние образцов и норм традиционной политической культуры будет явно перевешивать силу права как неотъемлемого атрибута модернизации.

Выбор в пользу демократизации или де-демократизации, а также модернизации или традиционализма и должны были сделать новые независимые государства, возникшие в конце 1991 г. на пространстве распавшегося СССР. Напомню, что они появились на свет под лозунгами десоветизации. Эти лозунги требовали перехода от мнимой к подлинной демократии, от государственного контроля к свободному рынку. Провозглашение идеалов демократии и свободного рынка сопровождалось в тот момент распространением дискурса прав женщин и гендерного равноправия (например, в среде активисток формировавшегося во всех этих странах независимого женского движения). Одновременно с этим другие акторы (например, служители различных религиозных культов) стали настойчиво напоминать о необходимости возвращения к истокам родной для каждой из этих стран культуры, к традиционным ценностям, а также о традиционных ролях и обязанностях мужчин и женщин. Какое-то время сохранялись и советские подходы к решению «женского» вопроса (к примеру, у государственных чиновников, активистов прокоммунистических партий). Противостояние разнонаправленных гендерных подходов поставило национальные власти перед необходимостью выбора одного из них. На начальном этапе государственного строительства практически все они де-юре сделали выбор в пользу институциональных логик современной демократии. Конституции всех этих государств либо напрямую гарантировали равноправие женщин и мужчин, либо провозглашали запрет на дискриминацию по признаку пола [6, с. 13—154, 263—463].

Выбор был знаковым. Фактически международному сообществу подавался сигнал о намерении государств СНГ войти в клуб стран с четкой демократической ориентацией, об их стремлении быть принятыми в этом клубе. Такое членство сулило не просто признание со стороны «старших» демократий, но еще и экономические выгоды. Оно обещало финансовую поддержку от «старших», включая приход в эти страны различного рода международных программ, частных благотворительных и правозащитных фондов и т. д., что было насуточно необходимо в условиях распада прежних экономических связей между республиками, трудностей становления новых экономических порядков. Сигнал был услышан. Но понадобилось его усилить. Международное сообщество в лице его крупнейших организаций — ООН со всеми ее подразделениями в виде ЮНИФЕМ (Фонд поддержки женщин) и др., Всемирного банка, Азиатского банка развития и др. — требовало не просто введения нормы гендерного равноправия в Основные законы, но и ее развития в других законодательных актах — законах о гендерном равноправии, законах о запрете гендерного насилия, а также создания специальных национальных институтов (национальных механизмов), ответственных за реализацию политики гендерного равноправия. В одном из документов ЮНИФЕМ, организации, активно работавшей практически во всех странах СНГ и Балтии и осуществлявшей там специальные «Программы развития ООН», прямо подчеркивалось, что «вопросы гендерного равенства являются центральными для процессов развития, человеческой безопасности, обеспечения прав человека и социальной справедливости... принцип соблюдения гендерного равенства является основополагающей и неотъемлемой составляющей демократического управления и мер по снижению бедности» [7].

В 90-е гг. все государства СНГ и Балтии приступили к формированию институциональных основ гендерного равноправия. В первую очередь были ратифицированы основные международные акты по правам человека, включая Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Кроме того, права женщин в этих государствах были формально защищены нормами законов о труде, о семейных обязанностях, Уголовными и Административными кодексами. Были созданы также разного рода парламентские, министерские и межведомственные органы, советы и секретариаты, номинально ответственные за выполнение норм международного и национального законодательства в области гендерного равноправия; разработаны различные программы и стратегии по его обеспечению, правда, не слишком ресурсно обеспеченные.

Следующим шагом на этом пути стало принятие специальных законов о гендерном равноправии. Законов во многом идеологических, говоривших, в сущности, о направленности государственной гендерной политики, о том, какая роль отводится женщинам и мужчинам в создании новой государственности. В разной редакции и под разными заглавиями такие законы были приняты: в Литве — в 1999 г., Эстонии — 2002 г., Кыргызстане — 2003 г., Украине — 2005 г., Молдове — 2006 г., Азербайджане — 2006 г., Туркменистане — 2007 г., Казахстане — 2009 г., Грузии — 2010 г., Армении — 2013 г. Межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ (орган, призванный развивать и координировать законодательство Содружества) в ноябре 2005 г. единодушно проголосовала за модельный закон «О равных правах и равных возможностях женщин

и мужчин». Он был призван ускорить появление подобных законодательных актов в тех странах Содружества, которые не торопились с их разработкой.

Условия принятия гендерно-ориентированного законодательства серьезно различались. Страны Балтии шли по пути гармонизации своих законов с законодательством стран ЕС, куда они были приглашены на рубеже XX—XXI вв. В то же время страны Центральной Азии и Закавказья были вынуждены считаться со стремительно нарастающей волной традиционалистских настроений. Если Украина в 2005 г. при голосовании за закон о гендерном равенстве сумела преодолеть барьер шовинизма — во многом за счет ослабления положений этого закона, то Россия и Белоруссия не смогли с этим справиться и оказались в группе немногих стран СНГ и Балтии, в которых до сих пор нет такого закона. В их число вошли также Латвия и Узбекистан. Случаи этих стран оказались диаметрально противоположными. В Латвии специальный закон о гендерном равноправии не рассматривался, чтобы не дублировать аналогичные нормы, подробно прописанные в целом ряде других законодательных актов, включая Кодекс законов о труде [6, с. 141—148]. В Узбекистане же сами понятия «гендер», «гендерное равноправие» оказались как бы вне закона — они практически не используются. Регулирование проблемы равноправия осуществляется здесь с помощью указов Президента, направленных на «улучшение положения женщин в государственном и общественном строительстве» [6, с. 427]. Однако, по мнению очевидцев, статус женщин в стране был в итоге существенно снижен [19].

По завершении нулевых годов, особенно к 2012—2013 г., отношение к институционализации гендерного равноправия в странах СНГ под напором традиционалистских установок меняется. Чтобы обозначить этот поворот, приведу в качестве примера несколько коротких свидетельств того, как в разные годы поразному воспринимались законодательные акты о гендерном равноправии. Вот что в 2007 г. писала, например, эстонская журналистка Р. Пельс: «В 2004 г. в Эстонии принят Закон о гендерном равноправии. В парламенте он долго обсуждался и откладывался, многие не могли понять, зачем он вообще нужен, приняли в последний момент, так как этого требовало вступление страны в Евросоюз» [12, с. 52]. Украинские СМИ в начале 2006 г. так комментировали принятие Закона о равенстве полов: «С 1 января 2006 г. вступил в силу закон... призванный достичь равенства полов... Но сможет ли он действительно уравновесить права и сломить стереотипы? <...> “Не думаю, что что-то кардинально изменится, — сказала газете «Сегодня» глава общественной организации «Женский консорциум Украины» Наталья Самолевська. — Принятый закон не имеет реального механизма выполнения... Закон не предусматривает санкций в случае его нарушения...» [3]. Такие комментарии, пусть и критические, но по существу вопроса, вскоре ушли в прошлое, их сменили крайне эмоциональные выпады в адрес самой концепции «гендера», положенной в основу законов о гендерном равноправии. Они, в частности, буквально заполонили российский Интернет (см., напр.: [13]) и привели в конечном счете к тому, что законопроект о равноправии, первое чтение которого очень успешно прошло в Государственной думе в 2003 г., был надолго положен под сукно. Кампания «антигендер» едва не стала преградой к принятию аналогичного закона в Армении. Традиционалистские политические силы выступили против него, заявив, что закон может быть использован

для подрыва семейных ценностей: понятие «гендер» якобы будет содействовать пропаганде гомосексуализма, а потому закон предоставит «неоправданные преимущества сексуальным меньшинствам» [8].

Это — знаковые кампании. Похоже, что на постсоветском пространстве завершается определенный этап внедрения гендерных подходов в национальные стратегии развития, целью которых, пусть формально, но являлось изменение в положении уязвимых социальных групп, т. е. преодоление «категориальных социальных неравенств».

К чему привела первая попытка институционального закрепления проблематики гендерного равноправия? Как в странах СНГ (и Балтии в качестве референтной группы) реформировался при этом гендерный порядок — в сторону выравнивания социальных возможностей (статусы, позиции) мужчин и женщин или, напротив, в сторону углубления неравенства (гендерные разрывы) между ними? Ради объективности в поиске ответов на эти вопросы предлагаю обратиться к статистике. Точнее, к данным такого авторитетного источника, как доклады о глобальных гендерных разрывах, которые начиная с 2005 г. готовит неправительственная организация «Всемирный экономический форум» (ВЭФ) в Давосе, куда входят признанные лидеры бизнеса и политики. Но прежде стоит хотя бы в двух словах пояснить, что побудило этот клуб «сильных мира сего» заняться проблематикой гендерного равноправия. К. Шваб, один из его основателей, в предисловии к последнему из этих докладов так объяснял причины гендерной чувствительности ВЭФ: «Ключом для будущего любой страны и любого учреждения является возможность привлечения лучших талантов. В будущем талант будет более важным, чем капитал или что-либо еще... Женщины составляют половину мирового человеческого капитала. Поэтому расширение прав и образование девочек и женщин, использование их талантов и лидерства в глобальном масштабе — основные элементы успеха и процветания во все более конкурентном мире» [21]. Конкуренция в преодолении гендерного неравенства, по замыслу Шваба, должна стимулировать различные страны активнее добиваться раскрытия потенциала женщин в духе популярной ныне стратегии эмпауэрмента (обретение власти, возможностей, овладение собственной силой, талантом)³. Чтобы усилить эту конкуренцию и составляются доклады ВЭФ. Первый доклад, который был подготовлен в 2005 г. и получил красноречивое название «Женщины на пути к обретению власти: измеряя глобальный гендерный разрыв» («Women's empowerment: measuring global gender gap»), рассматривался как пилотный. Он охватывал всего 58 стран мира. Но именно на его основе были разработаны методика и инструментарий измерения гендерного неравенства в различных странах мира. Последний стал известен как индекс гендерного разрыва (gender gap index).

Индекс гендерного разрыва выводится на основе замера показателей реальных возможностей деятельности мужчин и женщин в четырех сферах:

— экономики (показатели мужской и женской заработной платы за труд равной ценности, участия мужчин и женщин в принятии решений, их доступа к должностям и профессиям, требующим высокой квалификации);

³ Подробнее о концепте «эмпауэрмент» см.: [2].

— образования (показатели доступности всех ступеней образования для лиц женского и мужского пола);

— здравоохранения (показатели продолжительности жизни, доступа к услугам здравоохранения, а также соотношения полов при рождении);

— политики и государственного управления (показатели представительства мужчин и женщин в органах власти всех ветвей (законодательная, исполнительная, судебная) и уровней (национальный или федеральный, региональный, местный)).

Каждый показатель имеет определенное цифровое выражение — от 0, означающего полное неравенство, до 1, означающей полное равенство. Сначала индекс вычисляется по каждой из этих сфер — как показатель разрыва возможностей в ней, а затем выводится обобщенный индекс — как свидетельство наличных возможностей женщин и мужчин в той или иной стране. Важно отметить, что при этом фиксируется не уровень достижений, скажем, в мужском или женском образовании, а именно показатель возможностей (точнее, разрыва возможностей) для получения образования у женщин и мужчин. И поэтому показатели равноправия высокоразвитых стран, таких как США, Великобритания, Франция, могут оказаться гораздо ниже, чем показатели, например, Никарагуа.

По существу, в этих докладах измеряется глубина гендерного «категориального неравенства». Полученные данные позволяют определить и эту глубину в различных сферах, и место той или иной страны в общем рейтинге глобального гендерного разрыва, а также, при сопоставлении с данными этих стран за предыдущие годы, скорость, с которой происходят перемены в положении женщин и мужчин. Иными словами, выявить осуществляются ли на практике в той или иной стране гендерно-ориентированные законы и программы.

Впервые эта методика была использована при подготовке Доклада ВЭФ в 2006 г. С тех пор ежегодно доклад «Глобальный гендерный разрыв» представляется мировому сообществу на Всемирном форуме в Давосе. На текущий момент подготовлено 8 таких докладов. Последний из них, «Глобальный гендерный разрыв — 2013» [22], содержит данные о ситуации с гендерным разрывом в 136 странах мира, а также сравнительные данные всех предыдущих докладов. Судя по ним, ни одна страна мира пока не сумела полностью преодолеть гендерные разрывы. Например, занимающая первое место по общему индексу гендерного разрыва, а также по индексам образования и политического участия Исландия по индексу экономических возможностей женщин и мужчин оказалась лишь на 22-й позиции. Финляндия, имеющая второе место по общему индексу, по индексу экономических возможностей стоит на 19-й позиции. Норвегия, идущая следом за Финляндией, получила только 93-е место по показателю возможностей в сфере здравоохранения [22]. В то же время обозреватели отмечают, что после 2006 г. в мире наблюдается ослабление гендерной дискриминации. Из 111 стран, попавших во все рейтинги в 2006—2013 гг., 98 стран (88 %) улучшили свои показатели. Однако скорость сокращения гендерного разрыва в большинстве стран относительно невелика. Наибольший же прогресс обнаруживается при сравнительном анализе в сферах здравоохранения и образования. Глобальные значения соответствующих индексов еще в 2012 г. были равны 96 и 93 % (т. е. гендерный разрыв преодолен соответственно

на 96 и 93 %). Гендерный разрыв в экономической и политической сферах остается гораздо более значимым [14].

Какова же, с этой точки зрения, ситуация с индексом гендерного разрыва в странах СНГ и Балтии? О ней можно судить по таблице, которая была составлена мною на основе докладов 2013 и 2006 гг. (по Таджикистану, Армении и Азербайджану данные приводятся за 2007 г.). В нее включены показатели 13 стран Балтии и СНГ, т. к. в докладах отсутствовали сведения о ситуации в Белоруссии и Туркменистане на 2006 и 2013 гг., в Узбекистане — на 2013 г. Кроме того, сведены воедино все выявленные в 2013 и 2006(7) гг. *индексы гендерного разрыва*: общий для каждой из стран СНГ и Балтии, индексы, обозначающие возможности мужчин и женщин в сферах экономики, образования, здравоохранения, политики и государственного управления. Также, в соответствии с индексами, обозначены *места* этих стран в *общем мировом рейтинге* (136 стран в 2013 г., 116 стран в 2006(7) г.). Страны сгруппированы по этому последнему показателю.

Если говорить о постсоветском пространстве в целом, то лидером по положению в рейтинге 136 стран, а также сокращению гендерного разрыва по всем обозначенным индексам является Латвия. Литва идет вслед за ней. Но по показателю экономических возможностей женщин и мужчин Литву явно опережает Казахстан. По показателю равных возможностей в сфере образования Литва оказывается в середине нашего списка, пропуская вперед Украину, Армению, Россию, Эстонию. По показателям возможностей в сфере здравоохранения Литва оказывается на 3-м месте, пропуская вперед только Казахстан, а по показателю возможностей в сфере политики вновь выходит на 2-е место.

При этом индексы гендерного разрыва в каждом из 5 измерений у Латвии в 2013 г. по сравнению с 2006 г. сократились, хотя место в рейтинге 136 стран по обеспечению равных возможностей в сфере политики стало более низким: в этом плане страна отстает от общемировых скоростей преодоления гендерного неравенства. Явно отстает от них и Литва, хотя индексы гендерных разрывов у нее сокращаются, кроме индекса образования, который довольно резко возрос. Эстония существенно уступает своим соседям. По общему месту в нашем списке ее обгоняют Казахстан и Молдова. У Эстонии хуже показатели индексов равных возможностей в сфере экономики и политики, но лучше, чем у Казахстана и Молдовы, в сферах образования и здравоохранения.

Казахстан, который закрепился на 32-м месте в общемировых рейтингах 2006 и 2013 гг., занимает общее 3-е место в нашем списке. По здравоохранению он делит с Латвией 1-е место: индекс равен 1, по обеспечению экономических возможностей мужчин и женщин оказывается на 2-м, по возможностям в сфере политики занимает 3-е место, но по возможностям доступа к образованию оказывается только на 7-м.

Молдова, имевшая в общемировом рейтинге 2006 г. весьма почетное 17-е место, переместилась в 2013 г. на 52-е. При этом ухудшились показатели всех представленных гендерных индексов, что является знаком усиления гендерного неравенства. Хотя Молдова остается на высоком 4-м месте в нашем списке, именно для нее характерна ситуация обеспечения равенства женщин и мужчин «в условиях бедности».

**Индекс гендерных разрывов* в странах СНГ и Балтии /
место каждой страны в мировом рейтинге**

Страна	Общие показатели	Показатели по отраслям			
		Экономика	Образование	Здоровье	Политика
Латвия					
2013 г.	0,7610/12	0,7767/17	1/1	0,9796/1	0,2875/26
2006 г.	0,7091/19	0,7051/20	0,9308/ 85	0,9796/1	0,2207/21
Литва					
2013 г.	0,7308/28	0,7688/21	0,9928/60	0,9791/34	0,1826/47
2006 г.	0,7077/21	0,7133/15	0,9979/24	0,9791/36	0,1415/39
Казахстан					
2013 г.	0,7218/32	0,7706/20	0,9913/69	0,9796/1	0,1458/65
2006 г.	0,6928/32	0,7113/16	0,9902/53	0,9791/36	0,0888/69
Молдова					
2013 г.	0,7037/52	0,7407/32	0,9907/74	0,9791/34	0,1043/87
2006 г.	0,7128/17	0,7604/2	0,9942/37	0,9796/1	0,1172/50
Эстония					
2013 г.	0,6997/59	0,7228/41	0,9931/59	0,9791/34	0,1038/88
2006 г.	0,6944/29	0,6824/27	0,9992/16	0,9791/36	0,1167/51
Узбекистан					
2013 г.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
2006 г.	0,6886/36	0,7402/6	0,9628/75	0,9766/55	0,0749/78
Россия					
2013 г.	0,6983/61	0,7204/42	0,9984/36	0,9791/34	0,0951/94
2006 г.	0,6770/49	0,6963/42	0,9991/18	0,9791/36	0,0337/108
Кыргызстан					
2013 г.	0,6948/63	0,6789/60	0,9888/77	0,9730/75	0,1383/71
2006 г.	0,6741/52	0,6865/26	0,9952/32	0,9796/1	0,0353/107
Украина					
2013 г.	0,6935/64	0,7426/30	0,9998/27	0,9730/75	0,0587/119
2006 г.	0,6797/48	0,6909/24	0,9978/25	0,9796/1	0,0505/97
Грузия					
2013 г.	0,6750/86	0,6741/64	0,9790/89	0,9553/126	0,0915/97
2006 г.	0,6700/54	0,6565/41	0,9967/28	0,9227/115	0,1042/59
Таджикистан					
2013 г.	0,6682/90	0,7284/38	0,8993/110	0,9559/123	0,0891/100
2007 г.	0,6578	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
Армения					
2013 г.	0,6634/94	0,6384/82	0,9995/29	0,9497/131	0,0662/115
2007 г.	0,6651	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
Азербайджан					
2013 г.	0,6582/99	0,6591/72	0,9820/85	0,9254/136	0,0663/114
2007 г.	0,6781	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.

* 0 — полное неравенство, 1 — полное равенство.

Россия в общемировом рейтинге опустилась с 49-го места в 2006 г. до 61-го в 2013 г. Ее показатели неоднозначны: при явном снижении места в общемировом рейтинге, российский общий индекс гендерного разрыва слегка уменьшился — за счет показателей сокращения разрывов в сферах экономики и политики. Но явно ухудшился показатель равных возможностей в сфере образования, которыми страна заслуженно гордилась в XX в.

Отрицательную динамику показателей 2013 и 2006 гг. дают в целом Украина и Киргизия (при улучшении у Киргизии только одного индекса — политических возможностей), а также Грузия, продемонстрировавшая резкий обвал возможностей женщин в сферах образования и здравоохранения.

Очень значимые индексы гендерного разрыва по всем сферам демонстрируют в 2013 г. Таджикистан, Армения и Азербайджан. Азербайджан занимает последнее, 136-е место в общемировом рейтинге по индексу разрыва возможностей женщин и мужчин в сфере здравоохранения. Чуть выше него по этому индексу, на 131-м месте, оказывается Армения, занимающая при этом вполне достойное 29-е место в общемировом рейтинге по возможностям в сфере образования. Самый существенный разрыв возможностей в сфере образования, как видно из данных таблицы, имеют женщины и мужчины Таджикистана.

Увеличение гендерного разрыва в сферах образования и здравоохранения фиксируется практически во всех странах, входящих в СНГ, даже в Казахстане (выделяющемся на общем фоне своей стабильностью), что явно противоречит общемировым гуманитарным тенденциям. Это значит, что политика государственного патернализма, характерная для советского времени, в этих сферах вытесняется — под напором курса на «свободные рыночные отношения». Между тем общее снижение позиций стран СНГ, за исключением Казахстана, в мировом рейтинге глобального гендерного разрыва свидетельствует об отсутствии реальной, сколько-нибудь значимой политики по обеспечению гендерного равноправия. Как это ни покажется банальным, но приходится фиксировать очевидное несовпадение в этих странах ситуации с гендерным равноправием де-юре и де-факто. Разумеется, в каждой стране по-разному — на свой манер — категориальное неравенство по признаку пола в последние годы усиливается. Таков тренд. Но можно ли на этом основании утверждать, что формальные институты гендерного равноправия оказались здесь совсем не работающими, сугубо имитационными? Без специальных сравнительных исследований по всей совокупности стран СНГ я бы не рискнула этого делать. В определенных условиях даже номинальные институты гендерного равноправия могут начать реально функционировать.

Кроме того, если ввести в данный сюжет такой важнейший параметр, как политические условия, в которых происходило закрепление институтов гендерного равноправия на пространстве СНГ, то зафиксированная в нашей таблице ситуация покажется менее катастрофической, чем она могла бы быть. По многим влиявшим на нее причинам. В их числе — советское наследие в виде навыка имитационного использования норм гендерного равноправия, а также государственного контроля над женскими организациями и с их помощью — над массовым женским сознанием. С другой стороны — утверждение национальной идентичности за счет отказа от всего «советского»,

прежде всего от эмансипации женщин, и возврата к исконно традиционным ценностям, включая патриархатный гендерный порядок. И наконец, политика государственного строительства путем перераспределения власти и ресурсов между различными элитными группами, или кланами, за счет мобилизации масс и их втягивания в вооруженные конфликты. Эта причина представляется мне едва ли не самой важной.

Вооруженные конфликты, порой перераставшие в гражданские или межгосударственные войны, в то или иное время вспыхивали практически во всех странах СНГ. Перечислю только некоторые из них: Нагорно-Карабахский конфликт с массовыми акциями гражданского неповиновения — митингами, шествиями, забастовками, фактически обернувшийся войной между Арменией и Азербайджаном (начало 90-х гг.); вооруженный конфликт между Молдавией и Приднестровьем с теми же признаками (начало 90-х гг.); гражданская война в Таджикистане (1992—1997 гг.), причиной которой стало противостояние между бывшей коммунистической элитой и националистическими силами; неоднократные вторжения исламских радикалов на территорию Узбекистана со стороны Таджикистана (90-е гг.); попытка государственного переворота в Туркменистане (2002 г.); вооруженный конфликт на российской территории в Чечне, все еще сказывающийся на ситуации на Северном Кавказе (90-е гг.); российско-грузинский вооруженный конфликт (2008 г.) и т. д.

Политика мобилизации масс подпитывала и череду так называемых цветных революций, охвативших в нулевые годы все пространство СНГ. Это и «революция роз» в Грузии (2003 г.), и две революции в Киргизии (2005 и 2010 гг.), и «оранжевая революция» на Украине (2005 г.), а затем революция 2013—2014 гг., практически переросшая в гражданскую войну. В этот же ряд можно поставить: выступления оппозиции в Азербайджане (2005 г.), в Узбекистане (Андижан, 2005 г.), Белоруссии (2006 г.), Армении (2008 г.), Молдове (2009 г.); беспорядки и массовые волнения в Казахстане (Жаозен, 2011 г.); массовые акции протеста 2011—2012 гг. в России.

По выводам Ч. Тилли, сделанным на основе обширного фактического материала, вооруженные конфликты, гражданские войны — это потрясение для любого режима. Они с неизбежностью обращают вспять процесс демократизации, углубляя, в числе прочего, «категориальные неравенства» [18, с. 215]. В условиях вооруженных конфликтов с неизбежностью резко снижается потенциал гражданской активности: его подавляет военная дисциплина, которая не дает проявиться росткам самоорганизации и гражданской инициативы. Кроме того, и это значимо для моего сюжета, вооруженные конфликты и связанная с ними пропагандистская деятельность апеллируют к агрессивной, насильственной маскулинности. «Война — это мир мужчин», — справедливо заметила Ж. Папич [11, с. 13], исследовавшая сходные процессы на территории экс-Югославии.

Женщинам в данных условиях остается нести непосильное бремя борьбы за существование. И это видно по составленной мною таблице гендерных разрывов в странах СНГ, особенно по индексам возможностей в сферах здравоохранения и образования. Приведенные показатели подтверждаются заключениями экономистов, которые отмечают, что в целом страны СНГ представляют собой зону социального неблагополучия. Понятно, что уровень доходов населения значительно

отличается от страны к стране. В то время как жители Белоруссии имеют доход, сопоставимый с жителями Центральной и Восточной Европы (по паритету покупательной способности), в Киргизии и Таджикистане граждане получают меньше, чем в африканских странах [15]. В этих странах от 35 до 50 % населения имеют доходы ниже величины прожиточного минимума. В Молдавии, Армении и на Украине около четверти населения имеют такие же доходы.

Все это — признаки процесса де-демократизации стран СНГ, в условиях которого институты гендерного равноправия, конечно, можно рассматривать в качестве инструмента грядущей модернизации, но только в очень отдаленной перспективе и при очень благоприятных обстоятельствах, о чем пока говорить преждевременно.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации : (опыт использования институциональной методологии) // Новые направления политической науки : гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / отв. ред. С. В. Патрушев. М. : РАПН : РОССПЭН, 2007. С. 69—84.
2. Айвазова С. Г. Стратегия «эмпваэрмент» в контексте массовой политики : (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 3—12.
3. В Украине вступил в силу Закон о равенстве полов. URL: <http://today.viaduk.net> (дата обращения: 30.05.2014).
4. Воронина О. А. Государственные механизмы обеспечения гендерного равенства // Гендерное равенство в современном мире : роль национальных механизмов / отв. ред. О. А. Воронина. М. : Макс-Пресс, 2008. С. 11—26.
5. Гапова Е. И. О гендере, нации, классе в посткоммунизме // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 35—48.
6. Гендерное равенство в современном мире : роль национальных механизмов / отв. ред. О. А. Воронина. М. : Макс-Пресс, 2008. 772 с.
7. Гендерный маршрут. Внедрение гендерных подходов в национальные стратегии развития : опыт ЮНИФЕМ в странах СНГ. URL: http://gender-route.org/articles/sex_gender_practice/vnedrenie_gendernih_podhodov_v_nacionalnye_strategii_razvitia_opyt_yunifem_v_stranah_sng/ (дата обращения: 30.05.2014).
8. Григорян М. Армения : борьба против равенства полов выливается в борьбу против Европейского союза. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/60336> (дата обращения: 10.06.2014).
9. Журженко Т. Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков : Фолио, 2001. 240 с.
10. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Неотрадиционализм(ы) — трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 201—2012.
11. Панич Ж. Национализм, война, гендер // Гендерные исследования. 1999. № 5. С. 13—25.
12. Пельс Р. Дискриминация женщин латентна, но несомненна // Пейзаж после битвы : гендерное измерение постсоветского медийного пространства и политика равенства МФЖ. М. : Эслан, 2007. С. 52—56.
13. Рябиченко Л. Настоящая правда о гендере // Сайт Института высокого коммуитаризма. URL: http://communitarian.ru/publikacii/kritika_politicheskogo_razuma/nastoyaschaya_pravda_o_gendere_111120121630/ (дата обращения: 13.06.2014).

14. *Сакевич В. И.* Есть ли в мире страны, преодолевшие гендерное неравенство? // Демоскоп weekly. 2013. № 563/564. URL: <http://www.opes.ru/156327/html> (дата обращения: 01.06.2014).
15. *Соколова Т. В.* Модернизация на постсоветском пространстве: социальный ракурс // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 11. С. 157—160.
16. Социальное развитие стран СНГ. URL: <http://rfwiki.org> (дата обращения: 29.05.2014).
17. *Тёмкина А. А.* Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2008. 376 с.
18. *Тили Ч.* Демократия. М. : Ин-т общественного проектирования, 2007. 267 с.
19. *Тохдаходжаева М.* Между лозунгами коммунизма и законами ислама. Ташкент : Женский ресурсный центр, 2000. 224 с.
20. *Ostrom E.* Understanding Institutional Diversity. Princeton University Press, 2005. 502 p.
21. *Schwab K.* Preface // The Global Gender Gap Report, 2013. URL: <http://www3.weforum.org/docs/WEF> (дата обращения: 10.06.2014).
22. The Global Gender Gap Report, 2013. URL: <http://www3.weforum.org/docs/WEF> (дата обращения: 10.06.2014).

ББК 60.561.51

А. А. Гнедаш, Е. А. Степанова, Д. А. Тезадова

**СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ГОСУДАРСТВА
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ
ПОСТИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
(Обзор зарубежного опыта)**

Современная семейная политика как система взаимодействия семьи и государства состоит из ряда государственных политик. Они регулируют социальные и семейно-родительские права, связанные, во-первых, с брачными отношениями, которые включают организацию и функционирование брака через гражданское право, определение супругов в государственных системах социального обеспечения (например, пенсии по вдовству, предоставление супругу/супруге доступа к услугам здравоохранения) и налоговых системах (например, косвенный или прямой налоговый вычет); во-вторых, с родительскими отношениями (рождение детей и уход за ребенком/детьми), которые включают репродуктивные права (аборт, планирование семьи), политики материнства, политики родительского декретного отпуска, систему здравоохранения/образования детей, систему детских пособий и выплат, а также политику присмотра за детьми

© Гнедаш А. А., Степанова Е. А., Тезадова Д. А., 2014

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых — кандидатов наук (проект № МК-6036.2014.6 «Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества»).

(няни, институт «бабушек»). Несомненно, что семейная политика любого государства обусловлена историческими контекстами и культурными традициями, поэтому основная ее цель для каждого конкретного государства может детерминироваться: модернизационной стратегией и стремлением к укреплению конкурентоспособности национальной экономики, противостоянием снижению рождаемости и старению населения, увеличением удельного веса женщин в составе рабочей силы; снижением уровня безработицы и бедности, сокращением расходов на социальные нужды, изменением или сохранением системы гендерных отношений. Не все меры семейной политики связаны с явной целью изменения/сохранения гендерной системы, но наибольшее влияние государственной семейной политики на гендерные отношения осуществляется через структурирование и регулирование отношений между полами в семье и на рынке труда.

В семейной политике развитых стран можно выделить четыре ключевых направления, которые определяют стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства: финансовую поддержку семей, согласование баланса работы и семьи в жизни граждан, идеологическую политику в отношении института семьи, законодательные и/или политические меры по защите женщин и детей.

Первое направление связано с оказанием *финансовой поддержки семьям* через льготы, пособия, субсидии и дополнительные выплаты. Данные инструменты семейной политики могут быть направлены как на семью в целом, так и на решение конкретной задачи (помощь детям, матерям, отцам). Финансовая поддержка и фискальная политика в отношении семей и членов семей является одним из ключевых и универсальных способов оказания влияния на семью со стороны государства. Почти все развитые и развивающиеся страны мира оказывают финансовую поддержку определенным типам семей и финансовые/налоговые компенсации тем родителям, которые находятся в отпуске по уходу за детьми до определенного законом возраста. В Германии, например, помимо адресной финансовой помощи семьям, имеется такой механизм, как перераспределение налогового бремени для зарегистрированных супругов.

Второе направление семейной политики развитых стран связано с *согласованием баланса работы и семьи в жизни граждан*. В большинстве европейских государств и стран Северной Америки семейная и гендерная политики направлены на продвижение гендерного равенства в доступе к занятости и оплате труда и создание условий для работающих родителей, которые позволят наиболее оптимальным образом сочетать трудовые и семейные обязанности. Набор государственных инструментов по поддержанию баланса семьи и работы граждан достаточно широк и в зависимости от страны включает диапазон от механизмов оплачиваемого отпуска после рождения ребенка (до 3 месяцев после рождения ребенка в меньшем числе стран, например в США; общая тенденция предоставления от 6 до 12 месяцев оплачиваемого постнатального отпуска в значительном числе государств, например Германии, Болгарии, Турции; предоставление длительных отпусков по уходу за детьми, но не всегда оплачиваемых, например в Великобритании, Венгрии, Словакии, Чехии) до развития системы поддержки обоих работающих родителей с детьми. Кросс-национальный анализ политики поддержки баланса семьи и работы показывает, что ее реализация выявляет следующие дилеммы семейной политики: поддержка работающих матерей

или матерей, которые в течение длительного времени заботятся о детях и не выходят на работу; полностью оплачиваемый отпуск сразу после рождения ребенка и развитие государственных социальных услуг для детей в дальнейшем или гибкая политика отпусков по уходу за детьми в течение всего времени до достижения ими совершеннолетия; политика развития детских дошкольных учреждений или семейная политика, направленная на сохранение функций заботы о ребенке в самой семье в дошкольный период; развитие права отпуска по уходу за ребенком как части материнского права (Болгария, Сербия) или как части родительского права (Норвегия, Швеция, Португалия). В связи с развитием права родительского отпуска возникает вопрос, как привлекать отцов к его использованию. В некоторых странах Европы данное направление семейной политики включает также вопросы, связанные с повышением роли отца в любых ситуациях семейной жизни, в том числе и после развода.

Еще одним аспектом этого направления является политика совмещения трудовых и семейных обязанностей для тех граждан, которые осуществляют уход за пожилыми иждивенцами в своей семье. Однако возникающий вопрос ухода за стареющим населением ни в одной развитой стране не упоминается как стратегическая цель семейной политики. Таким образом, в процессе поиска баланса между работой и семьей возникает вопрос баланса оказания родителями услуг по отношению к своим детям и по отношению к своим пожилым родителям.

Третьим направлением семейной политики можно назвать *укрепление семьи и семейной жизни*. Данная категория связана с идеологическими аспектами развития института семьи в целом, роли семьи в обществе, отношений между родителями и детьми. В Норвегии идеологические приоритеты развития семейной политики направлены на стратегический переход от помощи «неблагополучным семьям» к профилактике возникновения такого рода семей. Данные по некоторым восточноевропейским странам показывают, что даже небольшие изменения роли отца в семье в сторону эгалитарного распределения семейных обязанностей приводят к повышению рождаемости [12].

Четвертое направление связано с *законодательными и/или политическими мерами по защите женщин и детей*. Вопрос насилия в семье требует не только применения идеологических инструментов, но и развития конкретных нормативно-правовых инструментов по защите как женщин, так и детей. Этот вопрос государственной семейной политики напрямую связан с развитием политики гендерного равенства в том или ином государстве и зависит от того, насколько в конкретном государстве сами правительства озабочены включением гендерного равенства в повестку дня. Зарубежные исследователи отмечают, что государственная политика достижения гендерного равенства включает две ступени: равенство между мужчинами и женщинами в общественной сфере (пассивное и активное избирательное право, право женщин на образование, право женщин на труд и др.) и развитие гендерного равенства в приватной сфере (равенство в распределении домашней работы, равноправный уход за детьми и совместное равноценное их воспитание). Практически во всех европейских странах прохождение первой ступени гендерного равенства было успешно завершено в 1950—1960-х гг. Процесс прохождения второй ступени в большинстве европейских государств наблюдается в настоящий момент.

В целом среди стран Западной Европы различают две группы: страны, которые уделяют мало внимания развитию политики гендерного равенства и рассматриваются как консервативные государства всеобщего благосостояния (Австрия, Германия, Италия и др.), и страны, которые активно способствуют развитию гендерного равенства и рассматриваются как эгалитарные государства всеобщего благосостояния (Норвегия, Швеция, Франция и др.).

Рассмотрим более подробно государственную семейную политику на примере Швеции, Великобритании и Италии.

Швеция — североевропейская страна, традиция протестантизма оказывает довольно слабое влияние на семью, в течение нескольких последних десятилетий были осуществлены серьезные прогрессивные меры гендерно-нейтральной семейной политики. Великобритания — островное государство на северо-западе Европы, влияние протестантизма как основной религии очень небольшое, позиция парламентских партий в отношении гендерного равенства чрезвычайно изменчива, наблюдаются большие гендерные различия в оплате труда. Италия — южноевропейская страна, характеризуется особым влиянием римской католической церкви и традиционных семейных ценностей, низким удельным весом женщин в составе рабочей силы.

Три выбранные страны являются членами Европейского союза, им присущи черты развитого западного законодательства, очерчивающего рациональный выбор личного пространства и уровня жизни. Развод во всех странах является доступным, разрешены контрацепция и аборты. Фискальная система используется для поддержки неполных семей.

Есть и определенные различия. Италия — это сосредоточение традиционной расширенной семьи, основанной на зарегистрированном браке. Уровень одинокого родительства чрезвычайно низок по европейским стандартам, особенно среди подростков [7]. Культурные традиции включают заботу членов семьи друг о друге, причем заботу как по вертикали, так и по горизонтали поколений. Ничего удивительного в этих фактах нет, особенно с учетом влияния Римской католической церкви, за исключением того, что итальянская семейная политика бросается в глаза своим отсутствием. Мало того что правительство предлагает меньшую поддержку семьям, чем в любой другой стране, за исключением Греции, имеются свидетельства того, что итальянцы активно выступают против участия государства в семейной сфере [10].

Семейная политика, реализуемая в Швеции, находится совсем в другом диапазоне. Вероятно, нет ни одной другой страны, в которой бы меры государственной семейной политики использовались так широко для инженерии социальных результатов. Швеция была первой страной в мире, решившей затратить усилия для создания равных отношений между мужчинами и женщинами, начиная с брака и рынка труда и заканчивая возложением полной ответственности за воспитание детей на государство [6]. Тем не менее реализовать удалось не все. Универсальный уход за детьми оказался недостижимой целью, если учесть денежные затраты, в то же время гендерно-нейтральный рынок труда оказывается на самом деле «потемкинской деревней», где тысячам женщин платят в течение нескольких лет за то, чтобы они оставались дома и присматривали за детьми, получая декретный отпуск и декретные выплаты.

Рассматривая английскую семейную политику, можно выделить третье измерение. Политика поддержки брака как основного социального института была отброшена на 30 лет назад, когда современное правительство объявило, что отказывается проводить семейную политику, направленную на стимулирование одной формы семьи за счет другой [8]. Тот факт, что Великобритания возглавляет европейские рейтинги по количеству разводов, неполных семей и подростковой беременности, говорит о том, что современная государственная семейная политика не в достаточной степени отвечает ожиданиям британского населения.

Какими бы ни были законы и фискальная система, если человек вырастает в окружении людей, которые не одобряют разводы и одинокое родительство, в будущем у него будет меньше шансов стать матерью-подростком или разведенным родителем, чем у человека, выросшего в окружении семьи и друзей, спокойно относящихся к описанным явлениям. Религиозные ценности играют чрезвычайно важную роль даже в тех странах, где религиозные традиции носят остаточный характер и многие люди уже не ходят в храмы, где укоренено в культурных традициях желание избежать «позора семьи» [5]. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить крайне низкое число монородительских семей и число незарегистрированных сожительства в Италии. Итальянские женщины более мотивированы со стороны локального сообщества к тому, чтобы не быть матерями-одиночками, и принимают соответствующие меры, не связанные с абортным механизмом, чтобы не попасть в такие сложные ситуации.

Однако не стоит ожидать, что поощрение государством стремления граждан к вере приведет к ощутимым результатам в семейной политике: религия — это, определено, одна из тех сфер, где компетенции государства не работают. Другой из таких областей является рождаемость: западноевропейский человек не хочет, чтобы государство указывало ему/ей, иметь или не иметь детей ради государства. Для просемейно-ориентированной Италии характерен один из самых низких показателей рождаемости в Европе — 1,34, при необходимом уровне естественного воспроизводства в 2,1 ребенка на 1 женщину [1]. Швеция и Великобритания имеют более высокие показатели рождаемости, но британские показатели высоки за счет незарегистрированных сожительства и иммигрантских семей.

Достаточно трудно разделить роли государственной семейной политики и национальных культур в воспроизводстве семейных тенденций, наблюдаемых в Швеции, Великобритании и Италии. Гендерная и налогово-бюджетная политика в Швеции, безусловно, эффективно поддерживает самодостаточность шведских женщин в процессе воспроизводства следующего поколения шведов. В результате наблюдается достаточно гомогенная культура, в которой функционируют социальные институты ради достижения единой цели. В Италии достигается тот же эффект, но при условии небольшого вмешательства государства.

Рост неравенства доходов между домохозяйствами является следствием роста занятости женщин и поляризации диады «семья — карьера». Постоянная государственная поддержка детей имеет свои последствия в виде вытеснения фигуры мужа и автоматической его замены на государство (что наглядно отражено в опыте государственной поддержки материнства и детства в СССР [2]): поддержка государства регулярна, предсказуема и более надежна, чем многие мужчины. Неполные семьи в результате становятся более жизнеспособны.

Данный тезис подтверждается ситуацией в Швеции (где государство полностью обеспечивает поддержку семьи) и опытом Италии (где невмешательство государства привело к постепенному снижению рождаемости при условии сохранения числа полных семей).

Фокус шведской семейной политики за последние десятилетия сместился на поддержку выполнения женщинами двойной роли — занятых или частично занятых на рынке труда и роли матери. Однако многие шведки не согласны выполнять двойную роль и сосредотачивают свои усилия либо на работе на семью (как многодетные матери), либо на построении карьеры (часто оставаясь бездетными, чтобы избежать противоречия приоритетов). При этом такой выбор не стоит перед мужчинами, всего лишь сокращаются их родительские функции. Таким образом, высоких показателей рождаемости можно достигнуть только среди семьецентрично-ориентированных женщин. В Италии женщины также сталкиваются с выбором между семьей и карьерой, но это не единственная причина низкой рождаемости, гораздо большее значение имеет тот факт, что к такому выбору присоединяется тенденция покидать дом своих родителей при достижении 30-летнего рубежа. В Великобритании мы наблюдаем тенденцию более устойчивого положения (в аспекте финансов и деторождения) семей матерей-одиночек или с семьецентричными женщинами, чем семей с двумя кормильцами или с основным кормильцем-мужчиной.

Выход на медицинский рынок средств контрацепции имел несколько незапланированных последствий, главным из которых стало отсоединение сексуального поведения от брака и деторождения [4]. Рекреационный характер сексуальной активности мужчин и женщин создал новые типы взаимоотношений, например серийную моногамию, которая не предполагает формальной регистрации отношений. Тем не менее семейная политика может ограничивать или усиливать данные тенденции. Влияние женской занятости на доходы домохозяйств в среднесрочной и долгосрочной перспективе требует внедрения более чувствительных мер семейной политики. Так же как и сожителство двух высокодоходных и высокообразованных партнеров с перспективой вступления в брак требует иных мер, нежели семейная политика, направленная на поддержку низкообразованной и низкодоходной пары, чьи брачные и семейные перспективы напрямую зависят от налоговых преференций и семейных пособий для малообеспеченных. В данном случае необходимо признание не только поляризованных плоскостей (семья и работа), но и поляризованных групп семей.

Следует признать, что только шведская семейная политика характеризуется последовательностью, преемственностью и политической однородностью инструментов. Такие страны, как Франция, Италия, вместе со сменой правительства осуществляют и резкие изменения в государственной семейной политике, что приводит к незначительным (может, даже и положительным) эффектам в краткосрочной перспективе. Например, политика поддержки женщин-домохозяек и многодетных семей чередуется с политикой поддержки работающих матерей и политикой выплат индивидуальных социальных пособий. Так, Закон о труде в Италии (как и в Испании, и в Греции) дал женщинам обширные права на отпуск по беременности и другие материнские льготы. Но на практике этот закон настолько обременителен для работодателей, особенно

в контексте высокого уровня безработицы и переполненности рынка труда, что женщины в реальности избегают пользоваться данными льготами, чтобы не потерять рабочее место в дальнейшем [3]. Существует точка зрения, что законодатели намеренно дали такие широкие права женщинам, чтобы гарантировать, что работодатель откажется брать женщин на работу и им придется вернуться в семью. Такая политика приводит к тому, что уровень занятости итальянских женщин гораздо ниже, чем в Швеции и Великобритании, где женщины более гибки в выборе между оплачиваемой работой, частичной занятостью и семьей в своем жизненном цикле.

В условиях развития постинформационного общества особое значение приобретают акторы семейной политики, функционирующие в форме сетевых конструкторов (социальные сети, сетевые сообщества), которые могут мотивировать социальные улучшения и решать различные проблемы в изучаемой сфере государственной политики. Отметим сразу, что из всех европейских стран только во Франции имеется достаточно высоко организованное лобби из институционализированных социальных сетей в виде неправительственных организаций в сфере семейной политики (например, «Union nationale des associations familiales»), которые хорошо известны в публичной политике по вопросам представления интересов семей, регулярно сотрудничают с французским правительством в процессе разработки и реализации вопросов государственной семейной политики. Такой тандем акторов гражданского общества и французских властных структур не является уникальным именно для семейной политики. В качестве основного прогрессивного и новаторского элемента в вопросах семьи во Франции выступают женские сетевые структуры и женское движение, все остальные сетевые сообщества продвигают традиционную семейную политику. Особняком в решении ее вопросов стоят религиозные организации, они зачастую конкурируют с третьим сектором в принятии решений по вопросам семейной политики [11].

Ирландия, возможно, ближе всего к Франции с точки зрения тесной взаимосвязи государственного и гражданского секторов общества, о чем свидетельствует совместное частичное финансовое обеспечение деятельности социальных сетей. В отличие от Франции, католическая церковь здесь остается наиболее влиятельной из институционализированных организаций гражданского общества, в частности потому, что церковь и государство были тесно переплетены исторически. Однако эти взаимосвязи позволяют другим организациям принимать активное участие в семейной политике. Наиболее важную роль социальные сети играют в практических формах поддержки семьи: финансирования, работы и управления школами, детскими садами, социальными центрами дневного пребывания и больницами. Активное внедрение социальных сетей в работу и политику функционирования данных учреждений осуществляется за счет распространенной в Ирландии политики субсидиарной ответственности государства и третьего сектора гражданского общества, которая также определяет примат организаций гражданского общества в сфере социальных услуг, в том числе в семейной сфере [9].

Роль социальных сетей в семейной политике в Великобритании невысока, в первую очередь из-за отсутствия согласованных действий в отношении семьи на национальном уровне, поэтому особое значение британские социальные сети

имеют в вопросах предоставления социальных услуг и решения конкретных проблем для отдельных лиц и семей. В условиях вакуума государственной семейной политики социальные сети традиционно стали решать кризисные вопросы в сфере семьи на локальном уровне и для конкретных адресатов — одиноких родителей, детской бедности и др. С 1997 г., с приходом к власти лейбористов, отношения между правительством и сетевыми сообществами улучшаются: такие организации, как «Family Policy Studies Centre» и «National Society for the Prevention of Cruelty to Children», стали активными консультантами в вопросах предоставления информации и оказания практической помощи властным институтам, а также и определенным каналом лоббирования интересов британских семей. Таким образом, можно сделать вывод, что британские институционализированные социальные сети выполняют роли посредников между правительством и семьей [13].

Фокусом действия институционализированных социальных сетей в Швеции являются не семьи, а различные социально-демографические группы: пожилые граждане, дети, женщины. Именно в отношении решения проблем этих адресатов прилагаются все усилия, роль же третьего сектора в решении вопросов семейной политики определена ограничена вследствие культурных и исторических факторов. Конечно, вопросы семейной политики тоже находят свое решение, но посредством лоббистской деятельности женских организаций или организаций пожилых людей [14].

В Италии и Испании социальные сети концентрируют свое внимание на решении проблем конкретных типов семей, в результате чего сетевые структуры часто оказываются в конфликте с католическим лобби, которое фокусирует свои силы на решении проблем традиционных типов семей. Таким образом, религиозные организации в данных странах играют важную роль в партнерстве с государством в процессе реализации семейной политики, в то время как большинство социальных организаций имеют ограниченные возможности влияния на политику из-за нехватки финансирования, ресурсов и общественного признания. Безусловно, такие социальные сети являются важным поставщиком услуг для семей, но они помогают тем из них, которые выпадают из спектра традиционной государственной семейной политики. В Испании институционализированные социальные сети (например, «National Union of Family Associations», «Association of Separated and Divorced Women», «Association of Women with Family Responsibilities») вступают в дискуссии с государством через Государственный департамент равенства («Party Secretary for Equality») [10].

Таким образом, мы видим, что во Франции (в меньшей степени в Ирландии и Великобритании) социальные сети играют важную роль в партнерстве с государством в выработке и реализации семейной политики. В таких странах, как Испания, Греция, Италия, социальные сети играют незначительную роль, за исключением институционализированных религиозных организаций. В Швеции социальные сети выполняют еще и роль каналов для лоббирования. Все различия в степени влияния социальных сетей на семейную политику можно объяснить историческим развитием третьего сектора по отношению к государству, финансовым обеспечением, политической организацией власти и влиянием религиозных структур на формирование и реализацию семейной политики.

В целом палитра современных стратегий и технологий взаимодействия семьи и государства достаточно многообразна. Основными факторами, детерминирующими данные процессы, можно назвать главную цель семейной политики, исторические предпосылки, культурные процессы, роль семьи в государстве, степень развитости гендерного (не)равенства, возможность/степень вмешательства государства в сферу частного и уровень развитости «новых» акторов семейной политики (сетевые структуры) по сравнению с традиционными (государство, социальные институты, семья, гражданин).

Библиографический список

1. *Билари Ф. С.* Между осведомленностью политика и ответными мерами: чрезвычайно низкая рождаемость в Италии. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0011/73955/en63r.pdf (дата обращения: 05.06.2014).
2. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3/4. С. 299—321.
3. Как защищена работающая женщина законодательством Италии. URL: <http://www.studiolegalegrasso.net/ru/2012-11-gravidanza-congedo-di-maternita-come-la-donna-lavoratrice-e-protetta-dalla-legge-italiana/> (дата обращения: 05.06.2014).
4. *Кон И. С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции. URL: <http://www.pseudology.org/Кон/Articles/TriOdnom.htm> (дата обращения: 15.06.2014).
5. *Пруцкова Е. В.* Рождаемость в Европе: значение религиозной социализации. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0549/pdf/pruckova.pdf> (дата обращения: 08.06.2014).
6. *Степанова Н. М.* Политика гендерного равенства в Скандинавских странах // Гендерная реконструкция политических систем. СПб. : Алетейя, 2003. С. 991—1000.
7. США лидируют среди развитых стран по числу родителей-одиночек. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/single-parents-usa-2011-05-09-121515709/234378.html> (дата обращения: 05.06.2014).
8. *Тындик А. О.* Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // SPERO. 2010. № 12. С. 157—176.
9. Critical Review on Research on Families and Family Policies in Europe. URL: http://europa.eu/epic/docs/wp2_critical_review_conference_report.pdf (дата обращения: 20.06.2014).
10. Family Policy and Welfare State in Southern Europe. URL: http://www.icps.cat/archivos/WorkingPapers/WP_I_185.pdf (дата обращения: 10.06.2014).
11. Family Policy in Council of Europe Member States. URL: http://www.leavenetwork.org/fileadmin/Leavenetwork/Links_publications/Family_Policy_in_Council_of_Europe_member_states_en.pdf (дата обращения: 16.06.2014).
12. Gender Ideology and Fertility Intentions across Europe. URL: <http://paa2012.princeton.edu/papers/120914> (дата обращения: 11.06.2014).
13. Major Trends of State Family Policies in Europe. URL: http://www.ag-familie.de/media/agfdoc/EF3_State_Family_Policies_summary.pdf (дата обращения: 01.06.2014).
14. Welfare States, Family Policies, and Fertility in Europe. URL: http://www.su.se/polopoly_fs/1.105072.1350482738!/menu/standard/file/WP_2012_10.pdf (дата обращения: 17.06.2014).

СОВРЕМЕННОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ББК 60.524.4

Н. А. Шведова

МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО О ГЕНДЕРНОМ РАВЕНСТВЕ

Билль о правах женщин

Роль и значение Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Конвенция), занявшей особое место и неслучайно получившей неформальное название Билля о правах женщин, трудно переоценить с точки зрения гендерного равенства. На протяжении последних 35 лет среди 7 ключевых международных договоров по правам человека Конвенция — международный документ, который в свое время был инициирован СССР, а Россия как правопреемница обязалась выполнять его — пользуется особым престижем. Многостороннюю Конвенцию (Convention on the elimination of all forms of discrimination against women, CEDAW) 7 июля 1980 г. от СССР подписала В. В. Николаева-Терешкова [6], первая женщина-космонавт на планете Земля. Это стало знаковым событием в истории страны. Конвенция была принята и открыта для подписания и ратификации резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/180 от 18 декабря 1979 г., вступила в силу 3 сентября 1981 г. в соответствии со статьей 27 (1), будучи открытой для подписания в штаб-квартире ООН 1 марта 1980 г.

Однако еще ранее, в 1945 г., в Сан-Франциско Устав ООН, в преамбуле которого говорится о необходимости вновь утвердить веру «в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций», закрепил принцип гендерного равенства. Остальные международные документы — Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, Конвенция о правах ребенка и Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей — чрезвычайно важны, в совокупности они создают широкую международно-правовую базу для борьбы за права человека в универсальном своем проявлении.

© Шведова Н. А., 2014

Таким образом, уже ко второй половине XX в. международное сообщество, в течение полувека вырабатывающее согласие относительно гендерного равенства, пришло к признанию его как важного принципа современности и был провозглашен принцип равенства прав мужчин и женщин. Сегодня существует внушительный объем норм, стандартов и принципов, относящихся к проблемам гендерного равенства и справедливости, которые ООН отстаивает в мире.

Почему Конвенция занимает такое важное место в ряду себе подобных? Что делает ее исключительно важным документом в сфере утверждения гендерного равенства?

Ответ на поставленные вопросы кроется в понимании характерных черт данного международного документа: Конвенция (плюс Протокол к ней) все-сторонне определяет права женщин и является основным международным инструментом для решения проблем гендерной дискриминации. Ратифицируя эту Конвенцию, государства-участники принимают на себя обязательства не только установить формальное правовое равенство между мужчинами и женщинами, но также принимать меры для обеспечения реального осуществления женщинами своих прав наравне с мужчинами.

В настоящее время Конвенцию ратифицировали 187 стран из 194 государств — членов ООН. Всего 7 стран (США, Иран, Судан, Южный Судан, Сомали, Палау и Тонга) не ратифицировали ее [3]. Иными словами, немногие международные договоры получили столь широкое одобрение мирового сообщества, что, безусловно, свидетельствует о высоком уровне престижа, которым пользуется данный документ.

Конвенция охватывает исчерпывающий круг гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и возлагает юридические обязательства на государства, которые обязаны обеспечить защиту, продвижение и реализацию прав женщин.

Платформа действий

В сентябре 1995 г. в Китае под эгидой ООН состоялась 4-я Всемирная Пекинская конференция по положению женщин. В ней приняли участие 17 тыс. человек: 4995 официальных делегатов — представителей 189 государств, 3250 журналистов, 446 представителей структурных органов и программ Организации Объединенных Наций, представители 26 межправительственных организаций, более 4000 представителей неправительственных организаций. Они были разные, но объединенные общей целью: добиться гендерного равенства и расширения прав и возможностей для всех женщин во всем мире. (30 тыс. активистов приняли участие в параллельном Форуме неправительственных организаций, который проходил в это время в нескольких десятках километров от Пекина в небольшом городе Хуайжоу, собрав почти в два раза больше участников и почти в шесть раз больше самих делегатов от неправительственных женских организаций со всей планеты, и оказывал влияние на рядом проходившую конференцию.)

Две недели политических дебатов представителей 189 правительств завершились выработкой обязательств, которые носят исторический характер [11].

Были подготовлены «Пекинская декларация» и «Платформа действий», наиболее конструктивный план в современной истории для продвижения прав женщин. В этом соглашении положение женщин во власти и на уровне принятия решений признано одной из 12 важнейших проблемных областей [5]. Межпарламентским союзом было установлено, что женщины-политики уделяют значительно больше внимания социальной и правовой защите, а также улучшают доверие в обществе. Даже 20 лет спустя этот документ не теряет своей актуальности, «оставаясь мощным источником руководства и вдохновения», о чем свидетельствуют выделенные *важнейшие проблемные области*:

- 1) институциональные механизмы улучшения положения женщин;
- 2) женщины во власти и на уровне принятия решений;
- 3) женщины и экономика;
- 4) женщины и бедность;
- 5) насилие в отношении женщин;
- 6) права человека женщин;
- 7) женщины и здоровье;
- 8) женщины и вооруженные конфликты;
- 9) образование и профессиональная подготовка женщин;
- 10) женщины и средства массовой информации;
- 11) девочки;
- 12) женщины и окружающая среда.

Платформа ориентирована на «мир, в котором каждая женщина и девушка может осуществлять свои свободы и выбор и реализовать все свои права, например жить свободной от насилия, чтобы ходить в школу, чтобы участвовать в принятии решений и зарабатывать равную оплату за равный труд» [11], — справедливо подчеркивается в документе.

Пекинская конференция — это не одноразовое мероприятие или событие, а процесс, который раскрепостил политическую волю, связал и усилил активность женских движений в глобальном масштабе. Участницы и участники конференции отправились домой с большой надеждой и четким представлением о том, как достичь равенства и расширения возможностей.

Платформа действий — это документ, который служит основой для оказания помощи странам в разработке государственной политики, нацеленной на достижение гендерного равенства. Значительный прогресс в различных областях случился с тех пор. «Тем не менее результаты недостаточно хороши. Есть много несправедливости и неравенства, которые мы должны победить в политической, экономической и социальной сферах. Мы все еще видим серьезное неравенство в области участия женщин в процессе принятия решений» [1], — горько замечает Мишель Бачелет, нынешний президент Чили и первый исполнительный директор относительно новой структуры «ООН-Женщины» (2010).

Участие женщин в демократическом устройстве и управлении имеет основополагающее значение. Однако женщины по-прежнему не располагают равным представительством во властных структурах и руководстве — ни в высших эшелонах корпораций, ни в президентских кабинетах.

По данным Межпарламентского союза на 1 июня 2014 г., почти 22 % парламентариев составляют женщины [8], по сравнению с 11 %, задействованными

в то время, когда состоялась 4-я Всемирная Пекинская конференция по положению женщин [12]. Иными словами, за два десятилетия доля женщин-парламентариев выросла в 2 раза — по 0,5 % за каждый год. В 34 странах женщины составляют менее 10 % членов высшего законодательного органа страны. Эти неравенства более выражены в таких регионах, как Ближний Восток, Северная Африка и Азия.

Российская Федерация занимает 105-е место в мире (из 188 стран — участников рейтинга) после Гвинеи-Бисау, перед Румынией и Нигером, со своими 13,6 % в Государственной думе и 8 % в Совете Федерации. (Для сравнения. В странах Тихоокеанского региона, где самые низкие показатели, в верхней палате 38,6 % составляют женщины-депутаты, а в арабских странах — почти 8 %. США на 85-м месте после Словакии, перед Сан-Томе и Принсипи, — 18,3 % в палате представителей и 20 % в сенате. Канада — на 55-м месте после Казахстана, перед Лаосской НДР, — 25,1 % в палате общин и 39,6 % в сенате) [7].

Несмотря на то что женщины смогли проникнуть во многие области, если будут сохранены нынешние темпы перемен, то гендерный паритет в правительстве, парламентах случится лишь в XXII в. [12].

На политическом олимпе женщины все еще редкое явление: в январе 2014 г. было только девять женщин — глав государств и всего в 15 странах женщины замещали пост главы правительства, лишь 17 % государственных министров были женщины, большинство портфелей которых традиционно связаны с социальными секторами, что, несомненно, «отражает живучесть стереотипов в отношении роли женщин в обществе» [1], как справедливо подчеркивает М. Бачелет. Она делает логический вывод: «Поскольку женщины составляют 51 процент населения земного шара, эти цифры иллюстрируют, насколько женщины недопредставлены. Результатом является то, что законные требования и потребности, которые мы имеем как женщины, невидимы. Однако эта ситуация является не просто проблемой с точки зрения справедливости. Это представляет собой значительный недостаток в качестве наших демократий» [1].

Современная статистика о положении женщин в мире далека от радужной и вряд ли может вызвать ободряющий оптимизм: женщины зарабатывают меньше мужчин, чаще занимая некачественные малооплачиваемые рабочие места; треть женщин страдает от физического или сексуального насилия в течение своей жизни. К тому же несовершенство и пробелы в законодательстве о репродуктивных правах, изъяны в здравоохранении приводят к тому, что 800 женщин умирают во время родов каждый день [4].

Структура «ООН-Женщины»

2 июля 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН своей резолюцией (A/64/L.56, параграф 49) приняла решение о создании специального подразделения в рамках ООН по гендерному равенству и развитию в интересах женщин. В резолюции сказано: «Генеральная Ассамблея постановляет создать настоящей резолюцией объединенную структуру — структуру Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения возможностей женщин, которая будет именоваться “ООН-Женщины”» (UN Women) [9].

Перед подразделением поставлена цель ускорить прогресс в реализации интересов и потребностей женщин во всем мире. Поскольку государства — члены ООН выразили приверженность установлению международных стандартов для достижения гендерного равенства, они поддерживают данную структуру и ее деятельность.

Структура «ООН-Женщины» сотрудничает с правительствами и гражданским обществом для разработки законов, политики, программ и услуг, необходимых для реализации стандартов гендерного равенства и справедливости, которые подразумевают равноправное участие женщин во всех аспектах жизни, уделяя особое внимание пяти приоритетным направлениям:

- лидерство и уровень принятия решений;
- насилие в отношении женщин;
- миротворческий процесс и безопасность;
- расширение экономических прав женщин;
- принятие гендерного равенства в качестве центрального принципа

в процессе планирования национального развития и бюджетирования.

На структуру «ООН-Женщины» также возложены координирующие функции в рамках системы ООН в деле продвижения гендерного равенства.

Генеральный секретарь Пан Ги Мун назвал это решение историческим, заявив, что оно должно привести к ускорению прогресса на пути к обеспечению равенства полов. По замыслу, наличие эффективной и консолидированной гендерной архитектуры должно создать более благоприятные условия для выполнения обязательств стран — членов ООН в соответствии с Пекинской Платформой действий, Целями развития тысячелетия. Кроме того, назначение на пост главы нового подразделения ООН Мишель Бачелет, бывшей в тот момент президентом Чили, в ранге заместителя Генерального секретаря свидетельствует о придании приоритетного значения данному направлению деятельности международной организации. (11 марта 2014 г. М. Бачелет вновь избрана президентом страны.)

Структура «ООН-Женщины» издала свой ежегодный доклад за 2013—2014 гг., по поводу которого доктор Фумзиле Мламбо-Нгкука, заместитель Генерального секретаря ООН и нынешний исполнительный директор подразделения, заявила: «Этот ежегодный доклад демонстрирует прогресс и потенциал “ООН-Женщины”. Я благодарю всех людей, которые работают рядом с нами. Вместе мы можем добиться равенства между мужчинами и женщинами в XXI веке» [5].

В 2013 г. структура «ООН-Женщины» оказала прямую поддержку программам в 96 странах. Крупнейшими областями оказания поддержки были искоренение насилия в отношении женщин (85 стран), лидерство и участие (71) и расширение экономических возможностей (67).

В докладе сказано: «Мы регистрируем уверенный рост вместе с нашими партнерами... Мы объединяем свои усилия для глобального движения за гендерное равенство, расширение прав и возможностей женщин и девочек. Прямо сейчас у нас есть уникальная возможность добиться большего прогресса, так как международное сообщество работает над реализацией Целей развития тысячелетия, определением задач на период после 2015 года и анализирует

позитивные результаты, зафиксированные после 4-й Всемирной Пекинской конференции по положению женщин. Соглашение, достигнутое в 2014 г. Комиссией ООН по положению женщин, закладывает прочный фундамент для преобразующей повестки дня глобального развития, направленного на устранение структурного гендерного неравенства» [5].

Структура «ООН-Женщины» играет ведущую роль в продвижении и поддержке усовершенствования норм и стандартов на глобальном уровне, которые ускоряют реализацию гендерного равенства, предоставляет экспертные знания и аргументы в защиту критических проблем, осуществляет созыв основных заинтересованных сторон для обсуждений и взаимодействует с государствами — членами ООН для достижения консенсуса и выработки соглашений по новым обязательствам.

Благодаря поддержке «ООН-Женщины» на сессии Комиссии ООН по положению женщин в 2014 г., государства-члены впервые проанализировали работу сквозь призму интересов женщин и девочек *в рамках реализации всех восьми Целей развития тысячелетия* [10] и с учетом выявленных факторов, сдерживающих их достижение: неравноправных отношений между женщинами и мужчинами, бедности и дискриминационных законов, социальных норм и негативной практики. В результате было достигнуто согласие по поводу того, что такие вопросы, как насилие в отношении женщин и девочек, их непропорционально большая доля в неоплачиваемом труде по уходу, неравный доступ к достойному труду и производственным ресурсам и стойкие препятствия для реализации репродуктивных прав женщин, не получили надлежащего внимания.

В итоге Комиссия призвала государства-члены принять *«преобразующий и комплексный подход к решению остающихся проблем»*. Она одобрила как самостоятельную долгосрочную цель гендерного равенства в повестке на период после 2015 г. и интеграцию гендерного равенства во все пункты повестки, также утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН. Соглашение, достигнутое в 2014 г. Комиссией ООН по положению женщин, закладывает прочный фундамент для преобразующей повестки дня глобального развития, направленного на устранение структурного гендерного неравенства.

Тем не менее, по мнению Организации Объединенных Наций, страны — члены ООН не уделяют надлежащего внимания поддержке женщин с целью помочь им стать более активными участницами экономической и политической жизни в своих странах. «Почти 20 лет спустя после Пекинской конференции о положении женщин и 15 лет после Встречи на высоком уровне по случаю следующего тысячелетия... все больше женщин занимают лидерские позиции. Однако ни одна страна мира не достигла полного равенства между женщинами и мужчинами, между девушками и юношами, и права женщин и девушек по-прежнему грубо нарушаются» [11], — заявила глава структуры «ООН-Женщины». Ф. Мламбо-Нгкука справедливо подчеркнула: «Поддерживая равное представительство женщин на лидирующих позициях в установлении всеобщего мира, в жизни сообществ, в политике, бизнесе и религиозных организациях, мы построим более справедливый, бесконфликтный и надежный мир» [11].

Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 2122, которая подчеркивает четкую связь между гендерным равенством и международным миром

и безопасностью. Тем самым подтверждается обязательство поставить женщин в центр всех усилий по урегулированию конфликтов и укреплению мира. Эту позицию давно отстаивает подразделение «ООН-Женщины».

Структура придает особое значение партнерским отношениям с организациями гражданского общества, в частности поддерживает уникальную сеть из 34 консультативных групп гражданского общества — от национального до глобального уровня.

Женский фонд ООН по вопросам гендерного равенства предоставляет гранты для правительств и организаций гражданского общества с целью продвижения экономических и политических прав женщин. К примеру, в 2013 г. фонд выдал 8,8 млн долл. США 69 действующим программам, оказав помощь 40 тыс. женщин. В общей сложности, с момента его запуска в 2009 г., Фонд предоставил 56,5 млн долл. США для 96 программ в 72 странах, охватив более 8 млн прямых бенефициаров.

Целевой фонд ООН по ликвидации насилия в отношении женщин поддерживает инновационные перспективные подходы к предотвращению насилия в отношении женщин и девочек и реагированию на него. Созданный Генеральной Ассамблеей ООН в 1996 г. и управляемый структурой «ООН-Женщины», в настоящее время он поддерживает 78 инициатив более чем в 70 странах и территориях с грантами на общую сумму 56,8 млн долл. США [11].

Таким образом, сегодня реальное положение женщин в мире требует к себе пристального внимания, поскольку прогресс на пути достижения гендерного равенства происходит слишком медленными темпами. Можно ли достичь устойчивого развития без соблюдения равенства полов? Какие международные инициативы обеспечивают женщинам обретение силы для реализации своих фундаментальных прав и свобод?

«Спустя 20 лет после Пекинской декларации и Платформы действий мы должны признать значительный прогресс, который стал возможным благодаря постоянству усилий международных организаций, государств и гражданского общества. Тем не менее мы по-прежнему сталкиваемся со многими проблемами. Построение справедливого мира требует больше равенства и справедливости между мужчинами и женщинами. Как только мы превратим эту мечту в реальность, мы полностью выполним задачу, поставленную в Платформе действий» [1], — убедительно свидетельствует М. Бачелет.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в свою очередь подчеркивает: «Реализация прав человека и равенство — это не сон, это обязанность правительств, ООН и каждого человека <...> Мужчины и мальчики должны играть свою роль. Все мы окажемся в выигрыше, если женщины и девушки — ваши мамы, сестры, друзья и коллеги — смогут полностью раскрыть свой потенциал» [2].

Юбилейные празднования по случаю важнейших событий в истории становления и утверждения принципов гендерного равенства и справедливости, которые остро актуальны для настоящего момента, открывают новые возможности для возобновления связей, подпитки политической воли и мобилизации общественности для достижения гендерного равенства как условия и инструмента устойчивого развития.

Библиографический список

1. *Bachelet M.* Once We Make This Dream a Reality... URL: <http://beijing20.unwomen.org/en/news-and-events/stories/2014/6/michelle-bachelet> (дата обращения: 13.07.2014).
2. *Ban Ki-moon.* Secretary-General's Message for 2014. URL: <http://www.un.org/en/events/womensday/2014/sgmessage.shtml> (дата обращения: 08.07.2014).
3. CEDAW at a Glance. URL: <http://www.womenstreaty.org/index.php/about-cedaw/cedaw-at-a-glance> (дата обращения: 21.07.2014).
4. The Beijing Platform for Action: Inspiration Then and Now. URL: <http://beijing20.unwomen.org/en/about> (дата обращения: 23.07.2014).
5. UN Women Annual Report, 2013—2014. URL: <http://www.unwomen.org/~media/58ED9AE6A3B544149C9DEFA302CC9884.ashx> (дата обращения: 26.07.2014).
6. URL: <http://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201249/volume-1249-I-20378-Other.pdf> (дата обращения: 29.07.2014).
7. URL: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm> (дата обращения: 23.07.2014).
8. URL: <http://www.ipu.org/wmn-e/world.htm> (дата обращения: 23.07.2014).
9. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/64/L.56&referer=http://www.un.org/womenwatch/osagi/sta_creationUNWomen.html&Lang=R (дата обращения: 07.07.2014).
10. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 23.07.2014).
11. URL: <http://www.unwomen.org/~media/Headquarters/Attachments/Sections/News/In%20Focus/RusIWD%20ED%20Message%20for%20International%20Womens%20Day%20pdf.pdf> (дата обращения: 19.07.2014).
12. Women in Power and Decision-Making. URL: <http://beijing20.unwomen.org/en/in-focus/decision-making> (дата обращения: 25.07.2014).

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК 60.561.37

О. В. Рябов

МАТЬ И МАЧЕХА: МАТЕРИНСКИЙ СИМВОЛ РОССИИ В ЛЕГИТИМАЦИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В марте 2014 г., когда в регионах Российской Федерации были организованы митинги в поддержку крымского референдума, по всему Омску правительством области были установлены билборды «Своих — не бросаем!», на которых Россия изображена в виде матери, а Крым — в виде ребенка [38] (ил. 1). Этот факт показывает, что материнский символ России вполне целенаправленно привлекался в информационную политику, направленную на легитимацию присоединения Крыма. Напомню, что, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, легитимация как способ «объяснения» и «оправдания» представляет собой многоуровневый процесс, содержащий и апелляцию к символическому универсуму — системе теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности [4]. В данной статье предпринята попытка рассмотреть предпосылки, условия, причины и формы использования символа России-матери в легитимации присоединения Крыма. Вначале я остановлюсь на методологических вопросах исследования роли символа во внешне- и внутриполитической риторике; далее речь пойдет о том, как в оправдании и объяснении присоединения Крыма к РФ использовался материнский символ России; наконец, затрону вопрос о том, как дискурс легитимации эксплуатировал образ Украины-мачехи. Объектом исследования выступают российские печатные и интернет-издания, а также популярные блоги и интернет-форумы.

Ил. 1

следования роли символа во внешне- и внутриполитической риторике; далее речь пойдет о том, как в оправдании и объяснении присоединения Крыма к РФ использовался материнский символ России; наконец, затрону вопрос о том, как дискурс легитимации эксплуатировал образ Украины-мачехи. Объектом исследования выступают российские печатные и интернет-издания, а также популярные блоги и интернет-форумы.

© Рябов О. В., 2014

Материнский символ России как фактор международных отношений

В последние годы язык международных отношений активно исследуется в качестве их значимого фактора, прежде всего сторонниками конструктивистской парадигмы. Например, анализируя репрезентации войны в Персидском заливе, Дж. Лакофф отметил, что механизмы метафорического мышления активно используются в дискуссиях о внешней политике; подкрепленные бомбами, метафоры способны убивать [45]. Один из наиболее известных символов дискурса национальных и международных отношений — материнский. Мифологические представления о своей земле как порождающем начале, как источнике плодородия и изобилия распространены у многих народов. Особенно популярным материнский образ страны становится в эпоху Модерности, что было связано с появлением идеологии национализма. Сама идея национального сообщества выражает отношения родства. Аналогия с семьей — это тот элемент дискурсивных практик национализма, который во многом определяет его концепты и символы, его иерархию ценностей. Троп семьи играет исключительно важную роль в легитимации нации, в постулировании «натуральности», природности национального сообщества [50, р. 54]. Эссенциализация, которая имплицитно содержится в картине отношений между полами, переносится и на отношение к национальному сообществу. По этой причине в XVIII—XIX вв. — эпоху утверждения национализма — во многих странах получают распространение женские аллегории национальных сообществ, среди которых отметим «Британию», «Германию», «Мать Свею» в Швеции, «Гельвецию» в Швейцарии, «Ибернию» в Ирландии, «Марианну» во Франции, «Колумбию» в Америке, «Мать-Латвию» и др. [51, 47, 64, 41, 46, 43, 39, 42].

Помимо легитимации национального сообщества, женский образ страны способствует легитимации власти. Образ родины как матери постулирует специфические отношения между государством и его гражданами, обеспечивая и подчинение индивида государству, и его готовность жертвовать собственной жизнью во имя своей страны. Кроме того, к гендерным представлениям апеллирует идея иерогамии — священного брака Правителя и Земли как его мистического тела, которая известна и на Древнем Востоке, и в Античности, и в Средневековье [44, р. 212]; не потеряла актуальности она и в Новое время.

Итак, образ страны как матери распространен не только в России. Вместе с тем необходимо принимать во внимание и фактор, который обусловил то, что в российской культуре особенно популярными являются представления страны в материнском облике, фактор, связанный со спецификой позиционирования России в отношениях с Западом. В российской идентичности важную роль играет подчеркивание отличий России от Запада и даже противопоставление ему. В результате одним из символов такого противопоставления выступает Россия-женщина, Россия-мать как воплощение смирения, бескорыстия, религиозности, иррациональности, соборности, т. е. ценностей, альтернативных западным: индивидуализму, рациональности, секулярности, гордыне [30]. Как заметил Дж. Армстронг, символы в национальных сообществах действуют как пограничники, отделяющие Своих от Чужих [40, р. 6]. Именно таким «символическим пограничником» и является «Родина-мать». Подобно другим национальным

символам, этот символ принимает активное участие в идентификационных процессах. Как символ национального единства он призван сделать из суммы индивидов единую нацию. Однако риторика включения неразрывно связана с риторикой исключения: в различных дискурсах — национальном, военном, имперском, гендерном, внутри- и внешнеполитическом — исследуемый символ определяет не только Своих, но и Чужих [32].

Ил. 2

Особое внимание хочется обратить на то, что материнский символ России занимает важное место в имперском дискурсе, оказывая влияние на репрезентации страны как полиэтнического и многоконфессионального государства. Россия может позиционироваться в качестве матери всех восточнославянских народов (русские, украинцы, белорусы) или всех народов, входящих в состав государства. Следует заметить, что легитимация имперского порядка при помощи фигуры матери использовалась и за пределами отечественной культуры. Так, картина В. Бугро «Родина-мать» (1883) отражает представления о Франции как о матери и колониальных народах как ее детях (ил. 2).

Наконец, покровительство, забота, бескорыстие — черты, приписываемые России-матушке, — включаются во внешнеполитический дискурс, в обоснование роли России в мировой истории и в репрезентации отношений с соседями (особенно со славянскими народами)¹. Использо-

вание материнского символа позволяет представить российскую политику в отношении этих народов как основанную на бескорыстной заботе, что накладывает на Россию особые обязательства и, что особенно важно, дает ей особые права, тем самым выступая важной составляющей «мягкой силы» страны.

Россия как мать

Материнский символ включается в обоснование особого характера отношений России и Крыма на протяжении всей постсоветской истории. Так, вопрос о «возвращении Крыма в лоно России-Матери» был поставлен депутатом Госдумы на одном из заседаний парламента в 2006 г. (см. об этом: [32]). Этот символ активно эксплуатировался в риторике пророссийских партий и движений полуострова. В частности, популярным стал лозунг «Русские Крыма никогда не отрекутся от матери-России», который использовался во время политических акций². Материнский символ обрел особую популярность в ноябре 2013 — феврале 2014 гг. во время событий на Евромайдане, которые воспринимались как несущие угрозу русскоязычному населению Украины. Скажем,

¹ О «материнском призвании» России, которое должно лежать в основе ее политики в отношении славянских народов, писал, к примеру, Ф. Достоевский [12, с. 356].

² 30 января 2009 г., 19 февраля 2010 г., 4 ноября 2010 г., 25 октября 2013 г. [5, 29, 24, 25] и др.

9 декабря 2013 г. в Симферополе прошла акция против планов сторонников евроинтеграции, участники которой в числе прочих использовали знакомый лозунг «Русские Крыма никогда не отрекутся от матери-России» [1, 9].

Свержение президента В. Януковича и приход к власти сторонников Евромайдана, среди которых заметную роль играли радикальные националисты (преимущественно с Западной Украины), значительно усилили чувство опасности «бандеровского террора». На митинге в Севастополе, состоявшемся через несколько дней после переворота, появляется плакат уже с другим мотивом — мотивом долга России-матери перед русскими жителями Крыма: «Россия! Мы брошенные дети твои» [52] (ил. 3). К идее материнского долга России я еще вернусь, а пока подчеркну, что маркировка радикалов Евромайдана и сторонников киевской власти в целом как неонацистов заняла исключительно важное место в риторике российской прессы с декабря 2013 г. Неудивительно, что в период февраля — марта в связи с необходимостью политической мобилизации жителей Крыма были широко задействованы образы Родины времен Великой Отечественной войны и связанных с ней практик коммеморации³. Особой популярностью пользуется образ с плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовет!». Так, он появляется в агитационных материалах, поддерживающих проведение референдума о статусе Крыма (ил. 4).

Ил. 3

Ил. 4

По мере роста популярности идеи вхождения полуострова в состав РФ материнский символ использовался все более активно. На митингах в поддержку Крыма, которые проходили в марте в регионах России, образ Родины-матери был весьма заметен, выступая инструментом политической мобилизации (см., напр.: [6, 8]). В Интернете распространяются демотиваторы, в которых идея материнского долга России перед Крымом получает визуальное воплощение. Названия поддерживающих референдум публикаций, появившихся в это время в Рунете, говорят сами за себя: «Русский Крым возвращается к матери-России, ура!» [3], «Крым: Мать Россия — мы твои дети!» [15].

Результаты референдума были восприняты в России как закономерные, и их естественность также обосновывается при помощи символа Родины.

³ О роли материнского символа нации в военной пропаганде см.: [31].

В телерепортажах российских каналов о празднествах по случаю успеха референдума приводились мнения жителей Крыма, среди которых звучали и такие: «Здравствуй, мама! Здравствуй, Родина!»; «16 числа мы постучались родной матери в дверь, и она нам ее открыла. Ура!» [13]; «...меня моя родная мама Россия отдала мачехе, мачеха вначале нас гладила по головке, потом она давала подзатыльники, и каждый раз все больше и больше. В конце концов, когда она уже просто захотела нас убить, мы начали кричать: “Мама, спаси нас”. И тогда мама говорит: действительно, надо спасти. И вот сейчас состояние, как будто нас мама забрала домой» [7].

Необходимо подчеркнуть, что образ России-матери включается в риторику представителей самых различных слоев общества. В статье, опубликованной в «Московском комсомольце», приводится мнение крымского пенсионера: «Мы хотим в Россию, она наша мать, а мы ее дети. А с теми, для кого Бандера герой, нам не по пути» [22]. К материнскому символу обращаются деятели культуры. Например, кинорежиссер С. Говорухин отметил, что в постсоветские годы многих россиян мучила «фантомная боль от отрезанного от матушки России островка Отечества» [27], а группа «Любэ» выступила с новой песней «За тебя, Родина-мать!» во время концерта российских артистов, который состоялся в Севастополе за несколько дней до референдума [18]. Материнский символ России привлекался представителями различных политических сил. В обращении главы организации «Черная Сотня» говорилось: «Миллионы русских остались в Юго-Восточной Украине, они умоляют о помощи! <...> С нетерпением ждем, когда Новороссия вслед за Крымом вернется в лоно Матери-России!» [21]. Глава КПРФ Г. Зюганов приветствовал желание Крыма «воссоединиться с матерью-Родиной — Российской Федерацией» [11]. Наконец, президент В. Путин, выступая на митинге-концерте «Мы вместе» на Васильевском спуске, приуроченном к подписанию договора о включении Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации 18 марта 2014 г., прибегает к характеристикам страны, имеющим фемининные коннотации: «Мы очень переживали за них [севастопольцев], и Россия открыла для них все свое сердце, всю свою душу» [26]. Еще более явно материнский образ России включается в выступление президента 9 мая в Севастополе во время празднования Дня Победы — события, обозначившего, очевидно, завершение процесса присоединения Крыма: «Родина-мать открыла вам свои широкие объятия и приняла в свой дом как родных дочерей и сыновей» [20].

Как было отмечено, включение в риторику, посвященную присоединению Крыма, известных образов, обладающих значительным символическим капиталом, способствовало легитимации политики России. Аналогичного эффекта, вероятно, достигало использование такой модификации материнского символа, как образ России-медведицы, заботливо опекающей своего медвежонка — Крым⁴. В ряде исследований показано, что в действительности символ «русский медведь» — это западное изобретение, появившееся около пятидесяти лет назад и используемое для поддержания идентичности Запада

⁴ Традиция представлять медведицу как символ материнской заботы берет начало в Библии [10].

и обоснования негативного отношения к России [48, 28]. Включенность медвежьего символа в брендинг «партии власти» порождало амбивалентное отношение к нему; во всяком случае если в западных медиа в период обострения отношений между Россией и Западом во время Пятидневной войны в Закавказье в 2008 г. он эксплуатировался активно, то российские СМИ и официальные лица старались дистанцироваться от него, указывая на русофобский, расистский характер его использования [48]. Специфика же нынешней ситуации заключается в том, что теперь данный символ охотно используется для самоидентификации. Мы видим, что многочисленные карикатуры и демотиваторы наделяют «русскую медведицу» не только силой, но и заботой⁵. На них она проявляет материнское участие (равно как и материнскую властность)⁶ по отношению не только к Крыму, но и к другим «медвежатам», в число которых авторы изображений помещают и Белоруссию, и Казахстан, и даже Сербию (см., напр., ил. 5, 6). Показательно, что сначала в облике медвежонка изображалась и Украина, и вопрос о том, как менялись границы между Своими и Чужими в дискурсе легитимации, тесно связан с материнским символом.

Ил. 5

Ил. 6

На первом — докрымском — этапе конфликта, в ноябре 2013 — феврале 2014 г., Украина была представлена как жертва заговора западных держав, ударной силой которого выступили «бандеровцы». По регионам России проходили митинги в поддержку «братского украинского народа». Эти настроения отразились и в визуальном дискурсе; так, в рисунке, призывающем «Все на защиту Украины!», воплощен образ «Родины-матери» с Мамаева кургана (ил. 7).

⁵ Следует отметить, что подобная семиотическая перекодировка символа «русский медведь» в восприятии жителей России происходила на протяжении всего постсоветского периода. В частности, пилотажное социологическое исследование, проведенное в России и США в 2008—2009 гг., показало, что американские и отечественные респонденты наделяют данный символ различными значениями: если для первых медведь воплощает агрессию, кровожадность, варварство, то для вторых — добродушие, справедливость, защиту слабых [34].

⁶ Идея об особых правах матери на любовь и послушание со стороны детей берет начало в древнерусской литературе [33] и впоследствии широко используется в дискурсе России-матушки [32].

На многочисленных рисунках Украина и Белоруссия изображались как сестры России: в виде либо скульптур известного фонтана «Дружба народов» (ил. 8), либо трех матрешек, либо прекрасных девушек. Однако после того как было объявлено о проведении крымского референдума и между двумя государствами усиливается напряженность, Украина переходит в число Чужих и ее чуждость Крыму репрезентируется при помощи метафоры мачехи.

Ил. 7

Ил. 8

Украина как мачеха

Использование материнского символа в легитимации социально-политического порядка имеет, очевидно, оборотной стороной привлечение метафоры мачехи в качестве способа делегитимации власти, равно как и целостности государства. Во время распада СССР демонтаж образа «Родины-матери» (и символической системы советского общества в целом) отражается в возникновении образа Родины-мачехи, заботы и защиты которой напрасно ждут многие ее сыновья и дочери [32].

Противопоставление России-матери и Украины-мачехи в их отношении к Крыму становится востребованным риторическим приемом (см., напр.: [16, 17, 19]). Любопытным примером использования исследуемых образов является получившая распространение в Интернете сказка, начинающаяся словами «Жил-был лихой, разухабистый дядька Хрущёв», который «украл у Матери-России сына по имени Крым и отдал его сестре России, женщине по имени Украина...». Далее повествуется о том, что «сестер оторвали друг от друга хитрые заморские дядьки», которые принялись натравливать менее удачливую сестру на Россию... «Украину как продажную девку стали сватать и выдавать многократно замуж за сменяющих один другого “мужей”... А пасынок Крым рос, терзаемый несчастьями мачехи, в вечной тоске по Родине». Когда же Крым вырос, то решил вернуться домой, «к своей матушке России, к братьям родным и сестрам». «Мать со слезами на глазах миллионов сестер и братьев раскрыла свои объятия Крыму, и он упал в них, упиваясь негой тепла родной груди, в которой бьется самое дорогое сердце — сердце его Родины-Матери» [14].

Образ Украины как страны, которая относится к одним гражданам как мать, а к другим — как мачеха, включается и в риторику официальных лиц. Так, О. Царёв, депутат украинского парламента и впоследствии один из лидеров «Новороссии», еще перед референдумом заявил: чтобы выйти из кризиса, нужно, чтобы Украина для всех стала родиной-матерью [37]. Став кандидатом в президенты страны, он включает метафору мачехи в свои программные заявления: «...нужно сделать все для того, чтобы Украина была родиной-матерью для всех граждан, независимо от того, являются они представителями титульной нации, проживают на западе, на востоке, в центре страны. Чтобы не было, что она для одних родина, а для других мачеха» [2].

Необходимо упомянуть и о том, что противники вхождения Крыма в состав РФ также прибегали к оппозиции «мать — мачеха». Скажем, один из комментариев, появившийся в марте при обсуждении предстоящего референдума о статусе полуострова, звучал так: «Украина — это заболевшая бедная мама с детьми, а Россия — это богатая мачеха, которая пришла к этим детям и говорит: “Зачем вам больная мама, бросьте ее, идите ко мне, я буду вашей мамой...” Так вы бросите свою больную маму, с которой прожили столько лет?» [14].

В заключение остановлюсь на вопросе, в каких формах использование исследуемых образов способствовало легитимации присоединения Крыма. Во-первых, репрезентации страны как матери позволяют моментально мобилизовать те значения, которые закреплены за материнским символом в истории человеческой культуры: Россия — это добрая, миролюбивая, бескорыстная страна, политика которой продиктована заботой о мире и сохранении жизни. Во-вторых, тем самым вмешательство России в ситуацию на полуострове представлено как не только ее право, но и обязанность — в силу тех обязательств, которые каждая мать имеет перед своими детьми. Напомню, что одной из значимых составляющих легитимации было утверждение, что Россия не имела права проигнорировать угрозу русскоязычному населению Крыма со стороны «бандеровцев». Руководство страны подчеркивало, что оно просто не могло принять иное решение: если бы Россия не пришла на помощь, то это бы означало предательство⁷. В-третьих, это становится эффективным способом противостояния разделявшейся большинством западных СМИ и политиков точке зрения на украинские события; материнский символ был призван продемонстрировать, что Россия и Крым связаны родственными, т. е. естественными, узами, которые носят органический характер — в отличие от искусственных, договорных отношений, которые только и могут связывать Украину с ЕС. При этом подчеркивалась непреходящая ценность материнского начала и традиционной семьи, что было принципиальным в контексте дискуссий о происходящих в западных странах изменениях гендерных норм [36, 35, 49]. Наконец, в-четвертых, это позволило использовать символический капитал «Родины-матери», накопленный за многовековую историю существования данного символа. В ситуации противостояния с киевскими властями было особенно эффективным обращение к образам Великой Отечественной войны и практик коммеморации послевоенного периода.

⁷ «Разумеется, мы... не могли оставить Крым и его жителей в беде, иначе это было бы просто предательством» [23].

Библиографический список

1. Антимайдан в Крыму: «Мы никогда не отречемся от матери-России». URL: <http://www.segodnya.ua/regions/krym/antimaydan-v-krymu-my-nikogda-ne-otrechemsya-ot-materi-rossii-481186.html> (дата обращения: 08.09.2014).
2. Бас Н. Народный депутат Олег Царёв: я принял решение баллотироваться в президенты Украины // Комсомольская правда. 2014. 28 марта. URL: <http://www.kp.ru/online/news/1697204/> (дата обращения: 08.09.2014).
3. Башиа В. Русский Крым возвращается к матери-России, ура! URL: <http://www.litprichal.ru/print.php?id=170261> (дата обращения: 08.09.2014).
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. 2001. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/default.aspx (дата обращения: 08.09.2014).
5. В Крыму 100 человек требуют восстановить институт президентства на полуострове. URL: <http://podrobnosti.ua/society/2009/01/30/579442.html> (дата обращения: 08.09.2014).
6. В Саранске прошел народный сход «Мы вместе навсегда!» в поддержку жителей Крыма. URL: <http://izvmog.ru/news/view/19626> (дата обращения: 08.09.2014).
7. В Севастополе тысячи людей слушали речь В. Путина в центре города. URL: <http://www.1tv.ru/news/social/254433> (дата обращения: 08.09.2014).
8. В Чебоксарах пройдет митинг в поддержку Крыма. URL: <http://pg21.ru/news/view/69471> (дата обращения: 08.09.2014).
9. Ваньков В. Крыму надоело быть подарком. URL: <http://svpressa.ru/society/article/82540/> (дата обращения: 08.09.2014).
10. Войцеховска К. Лютый зверь и образец заботливости: образ медведя в Библии и апокрифах // «Русский медведь»: история, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова, А. де Лазари. М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 11—28.
11. Депутаты Госдумы приветствовали крымских коллег аплодисментами. URL: <http://mir24.tv/news/politics/10033490> (дата обращения: 08.09.2014).
12. Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 1877 // Собр. соч. : в 15 т. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1995. Т. 14. С. 5—513.
13. Жители Крыма искренне рады возвращению «в родную гавань». URL: <http://www.ntv.ru/novosti/862620/> (дата обращения: 08.09.2014).
14. Ключко Степаненко-Дамер Т. Здравствуй, Крым! Добро пожаловать на Родину! URL: <http://www.proza.ru/2014/03/20/1287> (дата обращения: 08.09.2014).
15. Крым: Мать Россия — мы твои дети! URL: <http://smi2.ru/blog/43589049501/Kryim-Mat-Rossiya--myi-tvoi-deti> (дата обращения: 08.09.2014).
16. Крым — трагедия пасынка у Украины-мачехи. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/krym_my_s_toboj/ (дата обращения: 08.09.2014).
17. Крым — это ребенок, которого забрали у матери, и его воспитывала мачеха. URL: <http://vecherka.su/katalogizdaniy?id=55458> (дата обращения: 08.09.2014).
18. Любэ. «За тебя, Родина-мать». Севастополь. 2014. 16 марта. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Gj_YO3GapdY (дата обращения: 08.09.2014).
19. Мать-или-мачеха? Семейная переписка Украины и Крыма. URL: <http://okara.org/2014/04/krym-ukraina-pererpiska/> (дата обращения: 08.09.2014).
20. На военном параде в Севастополе Путин потребовал от других стран уважать право россиян на самоопределение. URL: <http://www.newsru.com/russia/09may2014/putinsevast.html> (дата обращения: 08.09.2014).
21. Обращение главы православно-патриотической организации «Черная Сотня» и редактора журнала «Православный Набат» Александра Робертовича Штильмарка

- к Президенту России Владимиру Владимировичу Путину. URL: <http://www.sotnia.ru/index.php?name=News&op=article&sid=70> (дата обращения: 08.09.2014).
22. *Перевозкина М.* За вхождение в Россию голосовали всем Крымом. 17.03.2014. URL: <http://www.mk.ru/old/article/2014/03/17/998988-quotisterika-za-rossiyuquot-kryim-mezhdu-putinyim-i-obamoy.html> (дата обращения: 08.09.2014).
 23. Полный текст обращения Владимира Путина по Крыму. URL: <http://russian.rt.com/article/24532> (дата обращения: 08.09.2014).
 24. Пророссийские организации Крыма отметили День народного единства. 2010. URL: <http://www.kianews.com.ua/node/25887> (дата обращения: 08.09.2014).
 25. Пророссийские организации пикетировали Генконсульство РФ в Симферополе. 2013. URL: <http://glavcom.ua/news/161981.html> (дата обращения: 08.09.2014).
 26. Путин: Крым и Севастополь вернулись в родную гавань. URL: <http://top.rbc.ru/politics/18/03/2014/911944.shtml> (дата обращения: 08.09.2014).
 27. Путин: Россия не планировала присоединять Крым. URL: <http://itar-tass.com/politika/1111359> (дата обращения: 08.09.2014).
 28. *Россомахин А. А., Хрусталёв Д. Г.* Россия как Медведь : истоки визуализации (XVI—XVIII) // *Границы : альманах Центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета.* Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. Вып. 2 : Визуализация нации. С. 123—161.
 29. «Русские Крыма никогда не отрекутся от Матери-России»: в Симферополе жгут портреты Хрущёва. URL: http://sevastopol.net.ua/novosti/simfnews-politika/russkie_kryma_nikогда_ne_otrekutsya_ot_materi-rossii_v_simferopole_zhgut_portrety_hruszeva_foto.html (дата обращения: 08.09.2014).
 30. *Рябов О. В.* Национальная идентичность : гендерный аспект : дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2000. 300 с.
 31. *Рябов О. В.* Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // *Женщина в российском обществе.* 2005. № 3—4. С. 19—28.
 32. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка» : национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart ; Hannover : Ibidem, 2007. 290 с.
 33. *Рябова Т. Б.* Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // *Женщина в российском обществе.* 1996. № 1. С. 28—32.
 34. *Рябова Т. Б.* Медведь как символ России: социологическое измерение // «Русский медведь» : история, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова, А. де Лазари. М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 338—353.
 35. *Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение российского антиамериканизма : (к постановке проблемы) // *Женщина в российском обществе.* 2012. № 3. С. 21—35.
 36. *Цалко Е. О., Рябова Т. Б.* Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов // *Женщина в российском обществе.* 2010. № 2. С. 57—65.
 37. *Царёв О.* Родина: мать или мачеха? URL: <http://cont.ws/post/12298> (дата обращения: 08.09.2014).
 38. *Шмидт Н.* В Омской области проходит акция «Своих не бросаем!» в поддержку Крыма. URL: <http://omskregion.info/item.asp?id=19248> (дата обращения: 08.09.2014).
 39. *Эдмондсон Л.* Гендер, миф и нация в Европе: образ матушки России в европейском контексте // *Пол. Гендер. Культура : немецкие и русские исследования* / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М. : РГГУ, 2003. Вып. 3. С. 135—162.
 40. *Armstrong J.* Nations before Nationalism. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1982. 411 p.
 41. *Douglas R., Harte L., O'Hara J.* Drawing Conclusions : a Cartoon History of Anglo-Irish Relations, 1798—1998. Belfast : Blackstaff, 1998. 350 p.

42. *Gailite G.* «Mother Latvia» in constructing self and other: a case of Latvian caricature, XIX c. — 1940 // *Competing Eyes : Visual Encounters with Alterity in Central and Eastern Europe* / ed. by D. Demski, I. Sz. Kristóf, K. Baraniecka-Olszewska. Budapest : l'Harmattan, 2013. P. 170—189.
43. *Hunt T. L.* *Defining John Bull : Political Caricature and National Identity in Late Georgian England.* Aldershot ; Burlington : Ashgate, 2003. 452 p.
44. *Kantorowicz E. H.* *The King's Two Bodies : a Study in National Political Theology.* Princeton : Princeton University Press, 1957. 568 p.
45. *Lakoff G.* *Metaphor and War: the Metaphor System Used to Justify War in the Gulf.* URL: http://www2.iath.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_2.html (дата обращения: 08.09.2014).
46. *Landes J. B.* *Visualizing the Nation : Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France.* Ithaca : Cornell University Press, 2001. 254 p.
47. *Mosse G. L.* *The Image of Man : the Creation of Modern Masculinity.* New York : Oxford University Press, 1996. 240 p.
48. *Riabov O., Lazari A. de.* Misha and the Bear: the Bear Metaphor for Russia in Representations of the «Five-Day War» // *Russian Politics and Law.* 2009. Vol. 47, № 5. P. 26—39.
49. *Riabov O., Riabova T.* Remasculinization of Russia? Gender, nationalism, and the legitimization of power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism.* 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
50. *Tickner J. A.* *Gendering World Politics : Issues and Approaches in the Post-Cold War Era.* New York : Columbia University Press, 2001. 200 p.
51. *Warner M.* *Monuments and Maidens : the Allegory of the Female Form.* New York : University of California Press, 1985. 417 p.
52. *Weaver C.* Sevastopol yearns for mother Russia // *Financial Times.* 2014. 25th Febr. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/d3fe0b06-9e43-11e3-b429-00144feab7de.html#slide0> (дата обращения: 08.09.2014).

Список иллюстраций

1. Своих — не бросаем! URL: http://bk55.ru/fileadmin/images/photos/full/718_baner_12.jpg?8.983598280914356 (дата обращения: 08.09.2014).
2. В. Бугро. Родина-мать. URL: [http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/c/cb/William-Adolphe_Bouguereau_\(1825-1905\)_-_The_Motherland_\(1883\).jpg/220px-William-Adolphe_Bouguereau_\(1825-1905\)_-_The_Motherland_\(1883\).jpg](http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/c/cb/William-Adolphe_Bouguereau_(1825-1905)_-_The_Motherland_(1883).jpg/220px-William-Adolphe_Bouguereau_(1825-1905)_-_The_Motherland_(1883).jpg) (дата обращения: 08.09.2014).
3. Россия! Мы — брошенные дети твои. URL: <http://im.ft-static.com/content/images/d6d1cad1-ebfc-457b-9e49-76315b5cd93e.img> (дата обращения: 08.09.2014).
4. Родина-мать зовет! Крым. Референдум. URL: http://www.odin-fakt.ru/galereya/rodinamat_zovet_refere/ (дата обращения: 08.09.2014).
5. Добро пожаловать домой, родные наши! URL: <http://politikus.ru/v-rossii/14902-dobro-rozhalovat-domou-rodnye-nashi.html> (дата обращения: 08.09.2014).
6. Вместе — навсегда!! URL: http://cs606222.vk.me/v606222949/4b14/_ecdYcc94R8.jpg (дата обращения: 08.09.2014).
7. Все на защиту Украины! URL: <http://vk.com/pomogibratu> (дата обращения: 08.09.2014).
8. Россия, Украина, Беларусь. URL: https://vk.com/antimaidana?z=photo-67554130_325552439%2Falbum-67554130_190656186 (дата обращения: 08.09.2014).

ББК 60.561.3

Л. Я. Прокопенко

ПЕРВЫЕ ЛЕДИ СТРАН ЮГА АФРИКИ: ПОЛИТИКА И ЖИЗНЬ

Новый этап в развитии отношений Российской Федерации и Южно-Африканской Республики, начавшийся благодаря их партнерству в рамках БРИКС¹, открывает дополнительные возможности для сотрудничества также с соседями ЮАР, очень тесно связанными с ней политически и экономически. Становится актуальным более полное представление о правящих элитах этих стран, прежде всего о главах государств. Тем более что судьбы президентов ЮАР, Анголы, Замбии, Мозамбика и Намибии тем или иным образом связаны с нашей страной. Многие учились в СССР, вели дружественную политику в отношении нашей страны. Первой женой нынешнего президента Анголы Ж.-Э. душ Сантуша была наша соотечественница Т. Куканова².

В южноафриканском регионе все страны, за исключением монархий Лесото и Свазиленд, по типу государственного устройства являются президентскими или парламентскими республиками. Поскольку супругу выборного главы государства принято называть «первая леди», для стран Юга Африки это понятие вполне оправданно. Многие жены глав этих государств оставили заметный след в истории региона, являясь не только супругами первых лиц, но и общественными и политическими деятелями. Действия первых леди все чаще вызывают интерес общества и становятся предметом обсуждения, прежде всего со стороны оппозиции и СМИ. Возросшая в последние десятилетия общественно-политическая активность жен глав этих государств сказывается на международном имидже. Все это не может не влиять на местную политическую культуру.

Вопрос о роли первых леди в странах Африки подняли сами жены африканских президентов. В 1997 г. французский журнал «Jeune Afrique» опубликовал мнения на этот счет первой леди Мали А. Б. Конаре и бывшей первой леди Бенина Р. Согло [2, с. 285]. В том же году в Абудже (Нигерия) состоялся первый саммит первых леди Африки.

Странам континента в немалой степени присуще персонифицированное восприятие власти: политический процесс в основном воспринимается через призму личности политического лидера. В процессе развития общества и роста

© Прокопенко Л. Я., 2014

¹ БРИКС — новое международное объединение, в которое входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика.

² Они познакомились во время учебы Ж.-Э. душ Сантуша в институте нефти и газа в Баку. В 1973 г. в этом браке родилась дочь И. душ Сантуш — ангольская бизнесвумен, по версии Forbes — единственная женщина-миллиардер в Африке (URL: <http://www.forbes.ru/milliardery/244564> (дата обращения: 06.07.2014)). В 1979 г. родители Изабель развелись; ее мать, по данным английских СМИ, живет в Великобритании.

гражданской зрелости наблюдается усложнение образов власти, тем не менее образ главы государства среди них превалирует. В его восприятии не последнюю роль играет личность его жены. Первая леди, с одной стороны, является партнером главы государства по браку, с другой — представляет женщин своей страны. Не участвуя непосредственно в принятии решений, она как жена имеет зачастую огромное личное влияние на супруга, от которого это решение зависит. Подобное влияние испытывали на себе и президенты данного региона. Дольше всех первыми леди оставались Б. Каунда (супруга первого президента Замбии К. Каунды — 27 лет), М. Рафаэл (супруга бывшего президента Мозамбика Ж. Чиссано — 19 лет), К. Т. Качимуне (супруга бывшего президента Намибии С. Нуйомы — 15 лет) и Р. У. Кхама (супруга первого президента Ботсваны С. Кхамы — 14 лет). Г. Машел стала единственной в современной истории женщиной, которая была первой леди двух стран — Мозамбика (1975—1986 гг.) и ЮАР (1998—1999 гг.). Многие, кто знаком с ней близко, отмечают ее природную сдержанность и рассудительность, что помогало ей долгие годы быть пылкому борцу за независимость и первому президенту Мозамбика С. Машелу не только женой, но и соратником, оказывать на него определенное сдерживающее влияние. Еще до брака с ним она прошла военную подготовку в рядах ФРЕЛИМО («Фронт освобождения Мозамбика»), а после провозглашения независимости работала в правительстве Машела министром культуры и образования, много сделав для ликвидации неграмотности в стране. Прошла в свое время военную подготовку в СВАПО («Народная организация Юго-Западной Африки») и нынешняя первая леди Намибии П. Похамба.

Некоторые из первых леди являются вторыми женами долго находящихся у власти мужей (после смерти своих предшественниц или развода), например, Г. Машел была второй женой С. Машела, Г. Мугабе — второй женой президента Зимбабве Р. Мугабе. В обоих случаях их предшественницами были видные борцы за независимость своих стран — Ж. Машел (умерла в 1971 г.) и С. Хайфрон (скончалась в 1992 г.). Преподаватель Хайфрон после свадьбы с Мугабе активно включилась в политическую борьбу, начав вести пропагандистскую работу среди женщин.

Если о первых леди большинства государств Африки широкая общественность знает мало (многих не знает вообще), то первые леди государств Юга Африки не раз оказывались в центре внимания зарубежных СМИ. С одной стороны, известна активная общественная и гуманитарная деятельность Г. Машел и М. Мванавасы (Замбия), с другой стороны — СМИ изобиловали сообщениями о тюремном заключении жены бывшего президента Замбии Ф. Чилубы Регины, обвиненной в коррупции, а также материалами о расточительстве супруги президента Зимбабве Г. Мугабе. У СМИ также вызывает интерес отсутствие первой леди в Ботсване, т. к. ее 59-летний президент Я. Кхама, занимающий этот пост с 2008 г., до сих пор остается холостяком.

Особенно часто попадали в поле зрения СМИ супруги президентов ЮАР. Жена президента Ф. де Клерка Марике привлекла их внимание не только своей постоянной поддержкой мужа, но и фактом насильственной смерти в 2001 г., уже после развода с ним. Бывшая супруга Н. Манделы В. Мадикизела-Мандела, видный деятель правящей партии «Африканский национальный конгресс»,

в конце 1990-х гг. предстала в неприглядном образе коррупционера и человека, замешанного в убийстве. Речь идет о деятельности так называемого Футбольного клуба им. Манделы — самозванной организации охранников В. Манделы, жестко (вплоть до убийств) расправлявшейся со своими оппонентами [5, с. 354]. А жены теперешнего президента ЮАР Дж. Зумы привлекают к себе внимание уже только тем, что их четыре...

Законы ЮАР разрешают традиционные полигамные браки. Дж. Зума остается верен привычной для своего народа (зулусы) полигамии и открыто заявляет об этом: «Очень многие политики прячут своих любовниц и детей, чтобы притвориться моногамными. Я предпочитаю открытость. Я люблю моих жен и горжусь моими детьми» [16]. На церемонии инаугурации в 2009 г. его сопровождали все три супруги. До избрания Дж. Зумы президентом страны его жены практически не участвовали в политической жизни. В отличие от старшей жены Кхумало, которая является ровесницей Зумы, младшая, 39-летняя, жена Нтули, вышедшая за него замуж в 2008 г., довольно коммуникабельна и активно участвует в общественной жизни страны. Именно она сопровождала Зуму во время голосования на избирательном участке на выборах в апреле 2009 г. В апреле 2012 г. четвертой женой 70-летнего Дж. Зумы стала бизнесвумен Б. Нгема. Все жены президента были на этой свадьбе. Во время визита первой леди США М. Обамы в ЮАР в июне 2013 г. она встречалась с первой леди страны Т. Мадиба [27]. На инаугурации после переизбрания Зумы в мае 2014 г. присутствовали уже четыре супруги президента. В официальных поездках жены сопровождают его поочередно. Но Дж. Зума не единственный в регионе лидер-многоженец. Бесспорным лидером в этом плане является король Свазиленда Мсвати III, у которого 15 жен. Как правило, во время официальных визитов его спутницей бывает первая жена, королева Ламбикиза.

У многих первых леди есть высшее образование, полученное в том числе на Западе: Г. Машел по образованию юрист, изучала немецкую философию в университете Лиссабона, З. Мбеки (ЮАР) окончила Лондонскую школу экономики по специальности социальная политика и администрирование. К. Касеба-Сата, вдова недавно скончавшегося президента Замбии М. Саты, — врач, бывшая первая леди ЮАР М. де Клерк была дипломированным экономистом, королева Лесото М. М. Сиисо окончила Национальный университет Лесото, имеет степень бакалавра. Королева Свазиленда Ламбикиза, вышедшая замуж в 16 лет, сумела получить юридическое образование вопреки неодобрению двора. Не имели высшего образования Б. Каунда, которая прежде была сельской учительницей, и Р. Кхама (Ботсвана) — в прошлом лондонский клерк. История межрасового брака сына вождя народа нгвато С. Кхамы с британской подданной Р. Уильямс, которые поженились в 1948 г. в Лондоне во время его учебы в университете, несколько лет была в центре внимания международной политики и общественности. Она также послужила сюжетом для многих книг, исследовательских монографий по теме межрасовых браков и даже фильма. Все годы нахождения мужа у власти Рут активно участвовала в общественной жизни Ботсваны.

Первые леди государств Юга Африки все активнее участвуют в международных форумах, а также специальных встречах первых леди. А. П. душ Сантуш

(Ангола) стала одной из 15 (и одной из 3 от Африки) первых леди, избранных в международный руководящий комитет такой встречи в Женеве в 1992 г. Первая леди ЮАР З. Мбеки и А. душ Сантуш участвовали в работе международного форума «Роль женщин в межкультурном диалоге», который проходил в июне 2008 г. в Баку [19]. Продолжает активную международную деятельность Г. Машел, которая является председателем Национальной комиссии Мозамбика по делам ЮНЕСКО. В апреле 2009 г. первые леди Анголы, Замбии, Лесото, Мозамбика, Намибии и Свазиленда (королева Ламбикиза) участвовали в саммите первых леди Африки, проходившем в Лос-Анджелесе (США) [14]. На нем обсуждались вопросы здравоохранения, проблемы СПИДа и образования в африканских странах. В октябре 2010 г. первая леди Замбии Т. Банда участвовала в саммите первых леди на тему «Ребенок сегодня, лидер завтра», проведенном в Куала-Лумпур (Малайзия) по инициативе супруги премьер-министра этой страны Д. Мансор.

Основная сфера деятельности первых леди стран Юга Африки — социальная (здравоохранение, образование, проблемы женщин, молодежи и детей). Внутри государства превалирует проблема защиты прав женщин.

Первые леди вносят значительный вклад в борьбу со СПИДом в регионе. Большинство из них активно участвуют в работе «Организации первых леди Африки против ВИЧ/СПИДа» («Organization of African First Ladies against HIV/AIDS», OAFLA), которая была создана в 2002 г. по решению 37 первых леди африканских государств, заявивших о готовности выступить против СПИДа и добиться улучшения жизни женщин, молодежи и детей. В 2007—2009 гг. ее возглавляла первая леди Замбии М. Мванаваса. Она активно работала над повышением информированности и инициирования программ по противодействию СПИДу на континенте, а также стала основательницей национальной «Общинной инициативы», названной ее именем. В декабре 2009 г. в Лусаке (Замбия) прошел очередной семинар OAFLA под председательством первой леди Эфиопии Ф. Месфин, в котором приняли участие новая первая леди Замбии Т. Банда, М. Мванаваса и одна из первых леди ЮАР Т. Зума. Т. Банда активно отстаивала права ВИЧ-инфицированных, поддерживая лозунг «Не инфицирован, но определенно затронут» [21].

В январе 2012 г. новый президент OAFLA первая леди Намибии П. Похамба призвала первых леди континента провести кампанию под лозунгом «Чтобы завтрашнее поколение было свободно от ВИЧ, мужчины и женщины должны позаботиться сегодня» [24]. В январе 2013 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия) в рамках очередного саммита «Африканского союза» состоялась ежегодная ассамблея OAFLA, отметившая 10-летие своей деятельности в сфере противодействия СПИДу. В докладе П. Похамба сказала: «Празднуя сегодня юбилей, мы вспоминаем 10 долгих лет, в течение которых были потеряны миллионы людских жизней, разрушено множество семей, нанесен колоссальный урон целым странам. Этот праздник — торжество надежды на новую эпоху и на новое поколение, в котором у новорожденных больше не будет вируса ВИЧ» [25]. В 2014 г. в состав OAFLA на правах полноправных представительниц входят 40 первых леди континента, а К. Касеба-Сата (Замбия) и М. да Луж Гебуза (Мозамбик) являются членами руководящего комитета от Юга Африки [20].

Нынешней первой леди Мозамбика принадлежит значительная заслуга в подготовке «Мапутской»³ декларации об искоренении случаев передачи ВИЧ-инфекции от матери к ребенку», которая была принята в 2012 г. на очередном саммите стран — членов «Сообщества развития Юга Африки» (САДК). В июле 2013 г. исполнительный директор ЮНЭЙДС («Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИД») М. Сидибэ назначил М. да Луж Гебузу куратором «Глобального плана устранения новых случаев заражения ВИЧ среди детей и оказания помощи матерям» (2011—2015 гг.), который был принят Генеральной Ассамблеей ООН в 2011 г.

В ноябре 2013 г. в Лусаке побывала делегация ЮНЭЙДС с целью изучения достигнутых Замбией успехов в борьбе со СПИДом и проблем, связанных с ним. Выступая на приеме, организованном ЮНЭЙДС, первая леди Замбии К. Касеба-Сата назвала борьбу со СПИДом первостепенной в системе здравоохранения, подчеркнув при этом необходимость соблюдения прав человека [26]. В начале 2014 г. в некоторых своих выступлениях она обратила внимание на проблему дискриминации в отношении сексуальных меньшинств. Это достаточно смелое заявление, учитывая то обстоятельство, что в Замбии для гомосексуалистов предусмотрено наказание в виде тюремного срока продолжительностью 15 лет, а в самом обществе эта тема обсуждается мало.

Первые леди также привлекают внимание СМИ и общественности к проблеме сексуального насилия в отношении женщин и детей. Т. Банда высказывалась за необходимость усиления роли НПО в решении этой проблемы. К. Касеба-Сата является Послом доброй воли Всемирной организации здравоохранения по вопросам борьбы с гендерным насилием. 20 мая 2014 г. в Женеве она выступила в качестве приглашенного докладчика на 67-й сессии ВОЗ.

В 2012 г. первая леди ЮАР Т. Мадоба посетила Нью-Йорк, где встречалась с представителями американских общественных организаций в сфере здравоохранения, в том числе Американского общества по борьбе с раком. Вдова Н. Манделы Г. Машел и вдова М. Саты К. Касеба-Сата прикладывают активные усилия по запуску национальных кампаний, направленных против ранних браков. 10 июля 2014 г. в Лусаке прошла региональная конференция по этой проблеме, на которой К. Касеба-Сата, защищая права женщин, призвала к введению уголовной ответственности за принуждение к раннему браку. Королева Лесото М. М. Сиисо активно участвует в проектах по реабилитации людей с ограниченными возможностями, в национальных просветительских кампаниях по проблемам СПИДа, а также покровительствует обществу Красного Креста Лесото. Возможно, ее деятельность с того момента, когда она стала королевой в 2000 г., придает дополнительный импульс развитию активности женщин страны, где в 2012 г. в парламенте они составляли 26 %, в правительстве — 22 %, а в органах местной власти — более 40 % [13, р. 23, 30]. Жены короля Свазиленда Мсвати III также занимаются благотворительностью: королева Ламбикиза помогает местной организации, оказывающей финансовую помощь детям, которые нуждаются в операциях в клиниках ЮАР, а королева Лангангаза патронирует НПО «Хоспис на дому». Первые леди региона участвуют также

³ Название декларации образовано от названия столицы Мозамбика г. Мапуту.

в укреплении культурных связей своих стран. Например, под патронажем З. Мбеки в декабре 2000 г. в ЮАР прошли гастроли Большого театра России.

Эффективная деятельность жен глав государств Юга Африки самым положительным образом влияет на формирование благоприятного политического имиджа мужей, способствует их легитимизации. Имидж первой леди в идеале должен дополнять и усиливать имидж главы государства. Ее деятельность в различных благотворительных фондах и акциях, в привлечении инвестиций для решения социальных проблем способна усилить имидж власти в целом. Сами президенты публично признают заслуги своих жен в поддержке их во время избирательных кампаний и дальнейшей работе на главном посту страны. Президент Замбии Р. Банда, уходя с поста, в своей прощальной речи благодарил жену Тандиве (кстати, родившую ему двух детей-близнецов, когда ему было уже за 70). Скончавшийся 29 октября 2014 г. президент Замбии М. Сата в октябре 2012 г. назвал супругу Кристин своей правой рукой и признался, имея в виду свое президентство: «...без нее я бы не был там, где нахожусь сейчас» [29].

За свою деятельность первые леди удостоены многочисленных наград. М. де Клерк в 1993 г. международный фонд «The Women's Peacemaker Foundation» за содействие развитию женщин сельских районов наградила премией «Женщины за мир» [28]. Г. Машел в 1995 г. в знак признания ее многолетней гуманитарной деятельности, в том числе по спасению детей-беженцев, была награждена медалью им. Ф. Нансена. Значительная заслуга в награждении «Организации первых леди Африки против ВИЧ/СПИДа» (США, январь 2007 г.) премией имени Мартина Лютера Кинга «Наследие мечты» принадлежит ее тогдашнему председателю М. Мванавасе (Замбия). В многочисленных международных наградах недавно умершего первого президента демократической ЮАР Н. Манделы, экс-президентов Мозамбика (Ж. Чиссано), Замбии (К. Каунда и Л. Мванаваса) и других — немалая заслуга также их жен, которые долгие годы были их верными соратницами.

Р. Кхама (Ботсвана) после смерти мужа была председателем Красного Креста страны, возглавляла некоторые местные женские организации. М. Мванаваса была избрана одним из директоров фонда имени ее мужа, созданного в 2011 г. и направленного на содействие верховенству закона и нулевой терпимости к коррупции.

В мировой практике много случаев, когда первые леди начинали собственную политическую карьеру. Имеются такие примеры и на Юге Африки. М. де Клерк, будучи первой леди ЮАР, одновременно возглавляла женскую организацию правящей «Национальной партии», лидером которой был ее супруг. М. Мванаваса даже высказывала намерение выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах в Замбии в 2016 г. [11, 2009, 4th Sept.]. Чтобы иметь возможность заниматься политикой, в 2001 г. она вышла из «Общества сторожевой башни» («Свидетели Иеговы»), членами которого они с мужем президентом Л. Мванавасой были с середины 1990-х гг.

Для сохранения стабильности в стране при переходе власти очень важным является установление уважительных отношений между новым и прежним главами государства и их супругами. В современной истории региона

достаточно положительных примеров этому. В 2000 г. президент Мозамбика Ж. Чиссано выделил вступившим в брак Н. Манделе и Г. Машел место для строительства дома в Мапуту, недалеко от президентского дворца. В 2005 г. на праздновании 60-летия Машел присутствовала жена нового президента Мозамбика А. Гебузы — М. да Л. Гебуза. Замбийский президент Р. Банда несколько раз включал бывшую первую леди М. Мванаваса в состав правительственных делегаций во время своих визитов в страны Африки. В 2008 г. на праздновании 90-летия Н. Манделы в числе почетных гостей была супруга бывшего президента ЮАР Т. Мбеки. Поддерживают связи нынешний президент ЮАР Дж. Зума и чета Мбеки, в мае 2014 г. они присутствовали на его новой инаугурации.

Первая леди Замбии К. Касеба-Сата прилагала усилия, чтобы смягчить имидж своего супруга — президента Майкла Саты (за ораторские способности и смелость его часто называли «королевская кобра»). Как лидер оппозиционной партии «Патриотический фронт» на протяжении последних 15 лет Сата баллотировался на пост президента 4 раза. И всякий раз, потерпев поражение, он оспаривал результаты выборов и входил в конфликт со всеми тремя президентами периода существования в стране политического плюрализма — Ф. Чилубой, Л. Мванавасой и Р. Бандой. Сата настойчиво критиковал Мванавасу и его правительство, примирение между ними произошло только за несколько месяцев до кончины Мванавасы летом 2008 г. Но Сата снова вошел в конфликт с его вдовой, обвинив ее в том, что она, являясь одним из видных членов правящей партии «Движение за многопартийную демократию», использует церемонию похорон мужа (торжественный провоз тела президента по главным городам всех 9 провинций Замбии до захоронения в столице — г. Лусаке) в целях своей будущей предвыборной кампании. Возмущенная критикой Саты М. Мванаваса приказала охранникам не пропускать его на церемонию похорон мужа.

Понимая необходимость сохранять хорошие отношения с прежним руководством для поддержания внутривнутриполитической стабильности в стране, К. Касеба-Сата предпринимала для этого конкретные шаги. Например, в мае 2012 г. она дала торжественный обед, в котором участвовали, кроме официальных лиц, также бывшие первые леди страны Б. Каунда, В. Тембо (Чилуба), Р. Чилуба и М. Мванаваса. Супруга президента отметила, что в проекте новой Конституции содержатся положения о месте и роли замбийских женщин в общественно-политической жизни страны [11, 2012, 5th May]. Особое внимание участники встречи уделили теме насилия в отношении женщин и возможности борьбы с ним.

Страны Юга Африки заинтересованы в поддержании добрососедских отношений. Они тесно связаны общей историей борьбы за независимость и с режимом апартеида. Существуют также прочные этнические связи, т. к. некоторые народы оказались разделены государственными границами, проведенными в колониальный период. В Замбии поддерживается традиция приглашения глав государств, где живут представители тех же народов, которые населяют эту страну, на традиционные церемонии «нквала» народа нгони и «куламба» народа чева. По приглашению президентов Л. Мванавасы, Р. Банды и М. Саты

в разные годы в них неоднократно принимали участие президенты и первые леди ЮАР, Мозамбика и Зимбабве.

Некоторых политиков региона связывают также близкие родственные узы. Например, одна из дочерей Н. Манделы и В. Манделы Зенани вышла замуж за старшего брата короля Свазиленда Мсвати III. (Кстати, после развода отца и до его женитьбы на Г. Машел именно она выполняла функции первой леди.) ЮАР и Замбия постоянно выступают за отмену санкций Запада против Зимбабве, считая, что они подрывают усилия правительства страны и государств — членов САДК по нормализации там экономической обстановки. Первые леди Замбии и Зимбабве участвовали в мероприятиях 20-й сессии Всемирной туристической организации («United Nations World Tourism Organization», ЮНВТО), которая прошла 24—29 августа 2013 г. в г. Виктория-Фоллс (Зимбабве). В марте 2014 г. президент Сата с супругой участвовали в свадебной церемонии дочери Р. Мугабы Боны.

Судьбы первых леди, как и рядовых граждан, наполнены не только человеческими радостями, страстями, заботой о детях, но и горем, разочарованиями. Н. Мандела, говоря о браке с женой Винни после выхода из тюрьмы⁴, называл себя самым одиноким человеком. Соединив же свою судьбу с Г. Машел, писал: «Я не жалею о былых неудачах, потому что в конце моей жизни я расцветаю... благодаря любви и поддержке, которую она дала мне» [6, с. 8]. З. Мбеки была рядом с мужем в сложный для него период, когда по требованию сторонников Дж. Зумы он был вынужден подать в отставку. Бережно относились друг к другу последний президент Замбии М. Сата и его супруга. В 2011 г., когда ее оперировали в одной из клиник ЮАР, он был рядом, а в июне 2014 г. она сопровождала его в поездке в Израиль, куда он прибыл с рабочим визитом и, как сообщают израильские СМИ, проходил медицинское обследование в Тель-Авиве [18].

Будучи первыми леди своих стран, овдовели Г. Машел (С. Машел погиб в авиакатастрофе в 1986 г.) и М. Мванаваса, чей супруг после второго инсульта скончался в августе 2008 г. В декабре 2013 г. во второй раз овдовела Г. Машел, ее мужа в последний путь приехали проводить многие мировые лидеры. На церемонии похорон вдовы Н. Манделы сидели рядом. Кстати, Машел отказалась от своей части наследства (Н. Мандела оставил ей половину своего имущества) в пользу детей и внуков [15]. К. Каунда (Замбия) вскоре после празднования 66-летия брака похоронил жену Бетти, которую многие в стране еще при ее жизни называли матерью нации. Королева Великобритании Елизавета II прислала ему телеграмму с соболезнованиями.

Б. Каунде вместе с мужем пришлось пережить смерть двух взрослых сыновей (Масузо умер от СПИДа в 1986 г., а в 1999 г. был убит Уези, которого считали преемником Каунды на посту лидера «Объединенной партии национальной независимости»). В 1993 г. похоронили сына бывший президент Намибии С. Нуйома и его жена К. Качимуне. В 2007 г. погиб старший сын Ньямпин бывшего мозамбикского президента Ж. Чиссано. В мае 2009 г.

⁴ Н. Мандела провел 27 лет в заключении как борец с режимом апартеида.

после продолжительной болезни в возрасте 33 лет скончался один из сыновей Ф. Чилубы и В. Тембо.

Пережили тяжелый развод с громким обсуждением в прессе южноафриканские первые леди В. Мадикизела-Мандела и М. де Клерк, но со второй это случилось уже после ухода мужа с поста президента в 1994 г. Развелся с женой Верой, обвинив ее в супружеской неверности, президент Замбии Ф. Чилуба. Каждая из этих женщин прожила в браке более 30 лет, но они нашли силы после развода жить и работать. В. Мадикизела-Мандела продолжила политическую карьеру и даже участвовала в 2007 г. в выборах президента правящей партии АНК. В. Чилуба вернула себе девичью фамилию Тембо, вступила в партию ДМД, которую раньше возглавлял муж, была избрана от нее в парламент на выборах в сентябре 2006 г., создала благотворительный фонд. В 2008 г. президент Р. Банда назначил ее заместителем министра туризма, охраны окружающей среды и природных ресурсов. Тяжелые переживания М. де Клерк (Ф. де Клерк публично признался в любви к другой женщине и женился на ней спустя неделю после развода) вылились в написание двух автобиографических книг⁵, в которых содержались также практические советы женщинам, оказавшимся в подобной ситуации. Дальнейшая ее судьба сложилась трагично: она стала жертвой разбойного нападения в собственном доме и умерла в 2001 г.

Некоторые супружеские пары первых лиц страны, уйдя с политического олимпа, не только сохранили семью, но и продолжали активно участвовать в жизни своих стран: Н. Мандела и Г. Машел, К. и Б. Каунда, Ж. Чиссано и М. Рафаэл, Т. и З. Мбеки. Б. Каунда поддерживала мужа все годы, когда его преследовал его преемник Ф. Чилуба. В свои 83 года, с трудом передвигаясь из-за осложнений диабета, она сопровождала мужа во время его визита в Китай в 2011 г.

У первых леди есть еще одна, не менее важная, обязанность перед обществом: они матери, часто многодетные (Б. Каунда — мать 10 детей, В. Чилуба — 9, М. Мванаваса и М. Рафаэл — 4, Г. Машел, Г. Мугабе и М. де Клерк — 3). Согласно африканской традиции, они часто воспитывают как родных детей своих мужей от предыдущих браков и детей умерших родственников. Так, в мае 2001 г. Г. Машел взяла на себя организацию церемонии бракосочетания сына покойных Ж. и С. Машел. Чтобы присутствовать на свадьбе, Н. Мандела специально перенес свой визит в Уганду.

Внимание СМИ привлекает к себе также габитарный имидж первых леди, который в данном случае играет, безусловно, важную роль. Одежду, прически, аксессуары А. душ Сантуш, Г. Машел, З. Мбеки, М. М. Сиисо и других первых леди, а также вкус, с которым они подобраны, оценивают не только журналисты, но и специалисты в области моды. Женам первых лиц государства и их консультантам по имиджу во многих случаях удается создать располагающий образ, хорошо вписывающийся в общепринятое представление о первой леди,

⁵ *Maartens M.* Marike: a Journey Through Summer and Winter. Monterey, 1998. («Марике: путешествие сквозь лето и зиму»); *Klerk M. de.* A Place Where the Sun Shines Again. Monterey, 2000. («Место, где солнце светит вновь».)

сохранив при этом элементы местных традиций. И во время официальных визитов, и на приеме у королевы Великобритании Елизаветы II, и на международных форумах первые леди органично выглядят как в традиционных африканских одеждах, так и в европейском костюме. В мае 2012 г. это хорошо продемонстрировала королева Лесото М. М. Сиисо, которая с супругом королем Летсие III по приглашению английской королевы Елизаветы II участвовала в торжествах по случаю 60-летия ее пребывания на престоле. Но бывают и исключения: например, элегантные туалеты королевы Лесото на упомянутых торжествах резко контрастировали с нарядами одной из королев Свазиленда — Ламбикизы, изобиловавших пайетками и перьями.

Первые леди — своеобразные послы своих стран, и им часто удается использовать костюм в качестве дополнительного средства коммуникации, что способствует положительному восприятию народов, которых они представляют. Как и некоторые первые леди других стран (Ж. Кеннеди, Л. Буш, Х. Клинтон, М. Обама, Л. Путина, С. Медведева, П. Лиюань, М. Порошенко), наши героини также носят одежду местных дизайнеров, популяризируя тем самым не только новые имена, но и африканский стиль в моде вообще. Например, первая леди ЮАР Н. Нтули носит одежду молодого южноафриканского дизайнера М. Мкгванази. В августе 2013 г. она показывала коллекцию своей одежды на африканской Неделе моды, проходившей в Лондоне.

Имена В. Мадикизелы-Манделы (ЮАР) и Р. Чилубы (Замбия) фигурировали в коррупционных скандалах. Винни за нецелевое использование финансовых средств была уволена Манделой с поста помощника министра культуры, науки и технологий, а работавшая в администрации мужа В. Чилуба 3 марта 2009 г., спустя 8 лет после отставки мужа, была признана виновной в растрате 120 тыс. долл. США из госбюджета и приговорена к 3,5 годам тюремного заключения [11, 2009, 3d March]. Но через три дня она была освобождена из тюрьмы под залог в 10 млн квач⁶.

Первая леди Замбии К. Касеба-Сата оппозицией и местными СМИ иногда подвергалась критике за излишнюю активность в сфере проблем здравоохранения: считалось что она частично подменяла функции министра здравоохранения. Она довольно часто участвовала в международных конференциях, выступала на телевидении при обсуждении проблем женского здоровья, например рака шейки матки. Но у нее имелись для этого достаточные основания, т. к. она — признанный в стране специалист в области акушерства и гинекологии, практиковала как врач в клинической больнице университета в Лусаке более 25 лет, читала лекции по медицине.

Западные СМИ нередко публикуют фото, иногда с колкими комментариями по поводу дорогих нарядов и аксессуаров известных мировых брендов, первых леди Зимбабве — Г. Мугабе и Анголы — А. душ Сантуш, упрекая их в расточительстве. Внешний вид супруги главы государства, конечно, должен быть респектабельным, но при этом консультанты по имиджу не могут не учитывать факт возникновения подобной критики, поскольку в Зимбабве в 2013 г. доход на душу населения составлял всего 905 долл. США [17], а эти страны,

⁶ Квача — замбийская валюта.

согласно данным «Трансперенси Интернэшнл» («Transparency International»), входят в число наиболее коррумпированных стран мира (в 2013 г. Ангола была на 153-м месте (из 177 стран), Зимбабве — на 157-м) [23]. Из-за любви к роскоши Г. Мугабе (с начала 2000-х гг., несмотря на царящие в стране нищету и голод, она остается постоянной клиенткой дорогих бутиков) английские журналисты дали ей прозвище «Гуччи Грейс» [7]. В 2003 г. французские СМИ, осуждавшие приглашение Р. Мугабе президентом Ж. Шираком на саммит государств-франкофонов, публиковали фото Грейс, на которых она была запечатлена во время посещения дорогих парижских магазинов [10]. Г. Мугабе резко контрастирует с первой женой президента С. Хайфрон — довольно скромной, настоящей соратницей мужа [1, с. 258].

В январе 2009 г. лондонская газета «The Sunday Times» писала об инциденте, который произошел с первой леди Зимбабве в Гонконге. Репортер газеты пытался сфотографировать ее при выходе из дорогого отеля «Shangri-La», но она приказала своему телохранителю отобрать у журналиста кинокамеру и якобы несколько раз ударила его по лицу рукой, унизанной кольцами с крупными бриллиантами [22]. Назойливость папарацци общеизвестна, но этот случай не прибавил популярности ни Грейс, ни ее супругу. В феврале 2014 г. Европейский союз приостановил санкции против 8 самых влиятельных военных и политических деятелей Зимбабве, но оставил их в отношении самого Р. Мугабе и его жены [12].

Первые леди становятся героинями не только новостей, репортажей и светской хроники. О некоторых африканках написаны книги [8, 9, 30] и сняты фильмы.

В странах региона гендерное равенство в политической сфере стало принципом государственной политики, который реализуется на практике [3]. На этом фоне роль первой леди значительно возрастает. В последние годы жены многих глав государств Юга Африки становятся более публичными, а их деятельность, как и у их западных коллег, «приобретает общенациональный масштаб, выходя за пределы государства» [4, с. 57]. Представляя свои страны на международных форумах, первые леди Юга Африки говорят об общности проблем, которые близки всем людям независимо от цвета их кожи, вероисповедания, возраста и пола. Есть их заслуга и в сохранении добрососедских отношений между странами в регионе.

Библиографический список

1. *Воеводский А. В.* Роберт Габриэл Мугабе // История Африки в биографиях / под общ. ред. А. Б. Давидсона. М. : РГГУ, 2012. 1112 с.
2. *Гендер и власть: семья, общество, государство.* М. : Ин-т Африки РАН, 2008. 432 с.
3. *Прокопенко Л. Я.* Представительство женщин в органах власти : (опыт стран южноафриканского региона) // Женщина в российском обществе. 2013. № 3 (68). С. 40—50.
4. *Шведова Н. А.* Институт Первой леди как компонент американской политической культуры // Женщина в российском обществе. 2013. № 3 (68). С. 51—58.

5. Шубин В. Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М. : Ин-т Африки РАН, 1999. 468 с.
6. Шубин В. Г. Товарищ Нельсон Мандела // Азия и Африка сегодня. 2014. № 4. С. 6—9.
7. Donnelly C. Hanging out with Zim's first shopper // Daily Mirror. London, 2003. 20th June.
8. Gilbey E. The Lady : the Life and Times of Winnie Mandela. London : Jonathan Cape, 1993. 327 p.
9. Harisson N. Winnie Mandela : Mother of a Nation. London : Gollancz, 1985. 181 p.
10. Libération. Paris, 2003. 21st Febr.
11. Lusaka Times.
12. Mail & Guardian. Johannesburg, 2014. 17th Febr.
13. SADC Gender Protocol, 2012 // Barometer. Johannesburg, 2012. 103 p.
14. URL: <http://www.africanfirstladiessummit.org/%253Fpage%253Dprevious%252520summit&prev> (дата обращения: 06.07.2014).
15. URL: <http://www.aif.ru/money/мymoney/1134683> (дата обращения: 06.07.2014).
16. URL: <http://www.bbc.co.uk/2/hi/8485730.stm> (дата обращения: 06.07.2014).
17. URL: <http://www.data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (дата обращения: 06.07.2014).
18. URL: <http://www.haaretz.com/news/diplomacy-defense/1.602140&prev=/search%253Fq%253DOAFLA%253D> (дата обращения: 07.07.2014).
19. URL: <http://www.islamnews.ru/news-12466.html> (дата обращения: 03.06.2014).
20. URL: <http://www.oafla.org/&prev=/search%253Fq%253DOAFLA%253D> (дата обращения: 05.07.2014).
21. URL: <http://www.statehouse.gov.zm/index.php/about-state-house/first-lady> (дата обращения: 06.07.2014).
22. URL: http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/world_news/article144079.ece&prev=/search%253Fq%253DGrace%252BMugabe (дата обращения: 06.07.2014).
23. URL: <http://www.transparency.org/country> (дата обращения: 06.06.2014).
24. URL: <http://www.unaids.org/ru/resources/presscentre/featurestories/2012/january/20120131oafla> (дата обращения: 06.07.2014).
25. URL: <http://www.unaids.org/ru/resources/presscentre/featurestories/2013/january/20130129oafla> (дата обращения: 04.07.2014).
26. URL: <http://www.unaids.org/ru/resources/presscentre/featurestories/2013/november/20131112zambia> (дата обращения: 06.07.2014).
27. URL: <http://www.whitehouse.gov/africa-trip-2013/the-firstladi&prev=/search%353Fq%253DFirst%253D> (дата обращения: 06.07.2014).
28. URL: <http://www.whoswho.co.za/marika-de-klerk-30608&prev=/search%253Fq%253Dmarika%252Bde%252Bklerk%253D> (дата обращения: 06.07.2014).
29. URL: <http://www.zambia.co.zm/headlines/2012/10/12/president-sata-praises-wife> (дата обращения: 07.07.2014).
30. Williams S. Colour Bar : the Triumph of Seretse Khama and His Nation. London : Penguin, 2007. 432 p.

ББК 60.561.37

Т. Б. Рябова

«ПУТИН VS ОБАМА»: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАСКУЛИННОСТЕЙ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО АНТИАМЕРИКАНИЗМА

Важной составляющей современной российской идентичности выступает антиамериканизм, который имеет различные измерения. Одним из них является гендерное: гендерные образы, символы и метафоры используются, прежде всего, для проведения символических границ между двумя сообществами и поддержания позитивной коллективной идентичности России; кроме того, для обоснования негативного отношения к культуре и политике современной Америки [5].

В статье ставится цель проанализировать, какую роль играют репрезентации двух президентов, Владимира Путина и Барака Обамы, в современном российском антиамериканизме: общественном мнении, глазах россиян и масс-медиа. Источниками будут служить данные полужформализованного интервью (N=20, г. Иваново, август — сентябрь 2014 г.), а также тексты и визуальные материалы, опубликованные в российских массмедиа за период 2012—2014 гг.

Противопоставление лидеров государств имеет большое значение для дискурса международных отношений, в том числе в его гендерном аспекте. В работах по методологии гендерных исследований было обращено внимание на то, что широкое вовлечение гендерных образов во внешнюю политику позволяет легитимировать одни точки зрения и дискредитировать другие [19, р. 53]. В качестве основных причин использования стереотипных представлений о мужественности и женственности в дискурсе международных отношений выступают следующие: эти представления являются устойчивыми, широко разделяемыми в обществе, имплицитно содержат в себе оценку и к тому же легко соотносятся с личным опытом человека [4]. Еще более значимо то, что гендерные стереотипы устанавливают властные отношения по причине, во-первых, иерархии мужского и женского в культуре, во-вторых, соотнесения власти и ее атрибутов (сила, разум, воля, активность, справедливость и т. д.) с маскулинностью, а подчинения и его атрибутов (пассивность, слабость, беспомощность, нерешительность) — с фемининностью [7, 9, 17]. Поскольку маскулинность и ее атрибуты оцениваются в системе координат власти выше, чем фемининность, то характеристика политических акторов, действующих на глобальной арене, с помощью гендерных маркеров ведет к определению их места

© Рябова Т. Б., 2014

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (руководитель С. В. Патрушев, Институт социологии РАН, Москва).

в иерархии власти [4]: чем более мужественными представляются политики, нации, государства, тем более они соответствуют эталону власти. Следует учитывать и логику ингруппового фаворитизма, исследованную Г. Тэджфелом [18]: качества, маркируемые как маскулинные, приписываются Своим. Все это позволяет использовать гендерные образы и стереотипы как доступные каждому коды в технологиях политической борьбы, как внутри-, так и внешнеполитической.

Само поле международных отношений можно рассматривать в качестве места производства маскулинностей [13, p. 115]. По указанным причинам соперничество на международной арене облекается в форму соревнования в маскулинности. Исследователи уже показали распространенность включения в дискурс международных отношений гендерных репрезентаций наций. Например, феминизация мужчин Востока и гипермаскулинизация мужчин Латинской Америки в западном дискурсе обусловлены западнцентристской картиной мира, оказывающей влияние на иерархизацию маскулинностей [13, p. 55]. Феминизация русских, акцентирование их непредсказуемости, иррациональности — популярный сюжет в западном дискурсе о России, отраженный и в общественном мнении [2, 8]; в современной России подобный дискурс используется в отношении Европы, которая называется изнеженной и слабой [6].

Государства как политические акторы также могут маскулинизироваться или демаскулинизироваться (феминизироваться). Иллюстрацией того, как взаимодействие государств может интерпретироваться через призму конкуренции маскулинностей, может служить позиция Д. Миршаймера, видного представителя такого течения в теории международных отношений, как нео-реализм. Все государства, по его мнению, это акторы-мужчины, стремящиеся соответствовать стандарту мужественности; однако «настоящими мужчинами» являются лишь сверхдержавы, которые, в отличие от прочих стран, борются за гегемонию, а не просто за преимущества для себя (см.: [14, p. 31—33]). Если слабым государствам допустимо использовать феминизированные стратегии поведения, то супердержавы в ситуации конфликта обязаны «принять вызов» и победить [14]. Известный термин «ремаскулинизация Америки», используемый в академической литературе для характеристики восстановления маскулинных ценностей в США эпохи Р. Рейгана, также показывает значимость гендерных маркеров в репрезентациях государств [15]. Политику коллективной идентичности, осуществляемую в России в период президентства В. Путина, мы обозначаем термином «ремаскулинизация». Она имеет два измерения: атрибутирование стране маскулинных суверенности, силы, рациональности и создание успешных гендерных моделей, которые соответствовали бы идущим в обществе процессам [16].

Одним из важных факторов маскулинизации международных отношений служит традиция персонифицировать государства при помощи образов их руководителей. Большинство глав государств являются мужчинами, поэтому отношения между нациями изображаются как отношения между мужчинами, своеобразный «мужской разговор» [9, p. 239—241]. Репрезентации мировой политики, как образно пишет Ш. Хупер, напоминают мыльные оперы с определенным набором героев и негодяев, «хороших и плохих парней» [13, p. 88].

Маскулинность лидеров государств оценивается по различным критериям и ранжируется — как обычными гражданами, так и ньюсмейкерами, которые это мнение формируют. Так, социологическое исследование, проведенное в 2010 г., показало, что в глазах россиян преимущество получает тот, чья мужественность оценивается ими выше [16]. Необходимость демонстрации знаков мужественности (например, проявление силы и твердости в отстаивании принципов) настолько велика, что политики нередко становятся заложниками своего имиджа [9]. Состязание глав государств в мужественности нередко интерпретируется как состязание различных типов маскулинности. Дж. Тикнер, опираясь на идею Р. Коннела о множественной маскулинности, показала, что на глобальной арене соревнуются разные модели маскулинности [19].

Как видно из исследований, различные теории международных отношений исходят из представлений о человеке, который олицетворяет различные типы маскулинности. Концепции реалистов и неореалистов имплицитно предполагают, что гегемонным типом маскулинности, воплощающим мужественность в наибольшей степени, является маскулинность мужчины-воина [19, р. 65]. Они основаны на убеждении, что победа в личном противостоянии и доказательство преимущества своей мужественности очевидно взаимосвязаны. Причем оба этих фактора способствуют легитимации маскулинности победившей стороны. В концепциях либералов и институционалистов такой маскулинностью сегодня выступает маскулинность нового буржуазного человека. В постпозитивистских концепциях международных отношений предполагается, что новым типом гегемонной маскулинности становится креативная маскулинность общества, в котором «множество центров власти и каждый субъект является постколониальным героем, своими жизненными силами обновляющим мир» [10, р. 35].

Таким образом, и международная политика, и ее интерпретации исходят из того, что глобальная арена и отражает конкуренцию различных типов маскулинностей, и является фактором их производства. Мы хотели бы высказать предположение, что сегодня на глобальной арене состязание за определение эталонной мужественности идет во многом за счет противопоставления двух типов маскулинности, которые в значительной степени символизируют Путин и Обама¹. И избиратели (как в России, так и в США), и журналисты делают тему их мужественности/немужественности значимой, порой отодвигая на второй план дискуссии об их успехах в решении задач внутренней и внешней политики. При этом оценка маскулинности главы государства влияет и на оценку успешности, состоятельности самого государства. Противопоставление Путина и Обамы стало особенно востребованным в связи с обострением российско-американских отношений в период украинского кризиса 2013—2014 гг. Предметом сравнения становятся черты характера двух политиков, их лидерские качества, интеллектуальные способности, физические

¹ Так, в статье под названием «Хватит с нас крутых парней», опубликованной в «Нью-Йоркере», журналист А. Гопник, выражая поддержку американскому президенту, оценивает маскулинность «крутых парней», которую, по его мнению, на международной арене олицетворяет Путин, как архаичную и опасную [12].

кондиции, внешность, одежда, способы коммуникации, особенности биографии, поведение в той или иной ситуации.

Мужественность президентов оценивается гражданами. Данные общероссийских и региональных анкетных опросов и интервью, проведенных в последние годы (в том числе наших собственных исследований), показывают, что избиратели обычно начинают свой список «настоящих мужчин» с Путина [4, 16]. Среди качеств, характеризующих Путина как мужчину, россияне называют, по преимуществу, стереотипно мужские черты: ум, решительность, твердость убеждений, силу характера, энергичность, физическую силу. Маскулинизация осуществляется и через приписывание ему других маркеров, соответствующих стереотипу мужчины: социальных ролей, фактов биографии, особенностей внешнего вида².

Прежде чем характеризовать репрезентации Путина и Обамы в России, следует отметить, что противопоставление двух президентов намного более популярно в американских медиа. Так, в 2012—2013 гг. в электронных медиа публиковались подборки фотографий и коллажей, на которых были противопоставлены два лидера — работающие, отдыхающие, занимающиеся спортом. Российский президент на них был представлен мужественным, решительным и сильным, Обама — слабым и уступающим Путину по всем показателям (ил. 1).

Ил. 1 [20]

Следует принимать во внимание, что эти снимки тиражировались, главным образом, сторонниками Республиканской партии США с целью делегитимации президента-демократа. Заметим, что представление о настоящей мужественности, отраженное в подборке фотографий, вполне соответствует традиционному типу гегемонной маскулинности мужчины-воина — мужественности, в которой отказывают Обама и которая, по мнению авторов данных

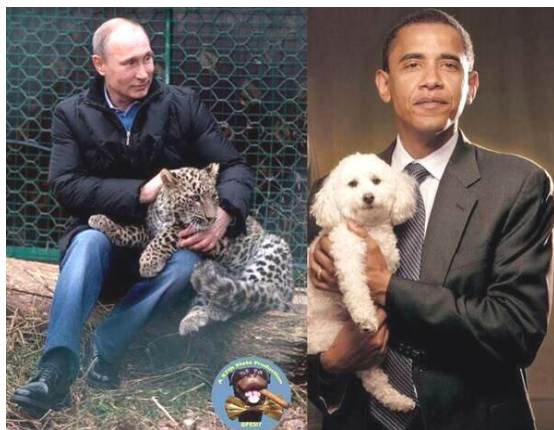
² Мужественность президента важна и для американских избирателей. В нашем пилотажном исследовании 2008 г. в г. Вашингтоне респонденты оценивали мужественность кандидатов в президенты, атрибутируя им практически те же самые характеристики.

изображений, необходима американскому президенту для успешной конкуренции с российским лидером и защиты интересов своей страны. Прореспубликанский телевизионный канал «Фокс ньюс» регулярно выступает с критикой мужественности Обамы, и именно сравнение с Путиным кажется редакторам наиболее убедительным аргументом, например: «Путин — это не о словах, а о поступках, а Обама — это не о поступках, а о словах» (передача от 6 сентября 2014 г.).

Оценки мужественности главы государства регулярно включаются во внутривнутриполитическую борьбу, в том числе в США (скажем, во время первой президентской кампании Дж. Буша-старшего) [10, р. 8—9].

Мужественность Путина — популярная тема на англоязычных сайтах. Одни представляют его сильным, решительным, жестким и отважным (например, в песне «Хочу быть таким же жестким, как Владимир Путин» американской хип-хоп группы A.M.G. [11]); другие полагают, что его мужественность агрессивна, брутальна и старомодна (см., напр.: [12]).

Российские медиа достаточно долго не инициировали подобные сравнения, хотя многие ресурсы перепечатали указанный набор снимков и коллажей, подчеркнув, что именно американцы отдают предпочтение мужественности российского, а не американского президента. В условиях нарастания противостояния с США в период украинского кризиса возросла и необходимость дополнительной легитимации собственного политического лидера на международной арене.

Ил. 2 [23]

В августе 2014 г. российский вице-премьер Д. Рогозин опубликовал в своем Твиттере две фотографии, получившие широкий резонанс, внушительное количество ретвитов по всему миру и большое число комментариев как в российской, так и в зарубежной прессе, что позволяет интерпретировать сообщение российского политика как элемент дискурса массмедиа. На фотографиях изображены Обама со своей собачкой и Путин, который гладит детеныша леопарда. Подпись к фотографиям гласит: «У нас разные ценности и союзники» (ил. 2).

Наиболее заметным случаем использования оппозиции «Путин — Обама» в российских медиа стало освещение выставки политического плаката «Без фильтров», организованной движением «Молодая гвардия» в октябре 2014 г. [1]. На плакатах противостояние двух политиков изображается в виде поединка: так, авторы неоднократно используют образ Путина-дзюдоиста (ил. 3). Один из плакатов в качестве причины обострения отношений между двумя странами фактически называет негативные чувства Обамы лично к российскому президенту, он намекает на то, что руководитель США завидует мужественности Путина. Показательно, однако, что, по мнению сторонников Путина,

его преимущество над Обамой — это превосходство не только в физической силе, но и в интеллекте: на одном из плакатов он показан как более умелый шахматист, чем его оппоненты. Обращает на себя внимание привлечение художниками сюжетов, имеющих сексуальные коннотации, в которых мужественность Путина и ее недостаток у Обамы метафорически представлены как мужская потенция и ее отсутствие. Другой традиционный сюжет, выражающий превосходство мужественности — репрезентации оппонента как ребенка (ил. 4).

Ил. 3 [22]

Ил. 4 [1]

Итак, российские медиа используют репрезентации мужественности Путина и Обамы с целью легитимации власти и обоснования права России на независимую внешнюю политику. Материалы нашего интервью помогают понять, насколько такие оценки популярны в общественном мнении. Мы попросили информантов сравнить мужественность Путина и Обамы. Результаты почти не отличались от данных, которые мы получали ранее, в 2007 и 2010 гг., а также от данных всероссийских опросов (обзор опросов см.: [16]). Практически все информанты отдали предпочтение Путину.

Характеристики, которыми они наделяли президента, входят в стереотипный набор качеств «настоящего мужчины». Российский президент описывался как сильный, рациональный, хладнокровный, принимающий ответственность на себя. Обосновывая свою оценку мужественности Обамы, информанты, напротив, использовали характеристики, которые являются частью стереотипа женственности. Американский президент предстает в этих описаниях как слабый, эмоциональный, нерешительный, избегающий ответственности и т. д.

Путин более мужественный, сильный, рациональный; он умнее, и на него можно положиться (Дмитрий);

Умнее Путин, все четко продумывает. Путин — мужик, а Обама только селфи делает на похоронах и ведет себя как дурачок (Анастасия);

Мне кажется, Путин ответственнее, все поступки у него обдуманные, рациональные (Татьяна);

Обама... Слишком женственный и истеричный (Валентина).

Следует подчеркнуть, что ни пол, ни возраст, ни образование не стали дифференцирующими факторами в оценке российского президента. Поддержка была скорее единой. Половина информантов-женщин заявили, что хотели бы видеть такого мужчину, как Путин, в качестве спутника жизни.

Показательно, что участница интервью, не поддерживающая президента в силу политических убеждений, не усомнилась в мужественности Путина, хотя и дала ей совсем другую оценку:

Путин мужественностью и напускной бравадой компенсирует скверную внутреннюю ситуацию в России... (Анастасия).

Подобные оценки мужественности Путина объясняются не только высоким рейтингом президента, но и ростом уровня ингруппового фаворитизма на фоне сравнения его с президентом страны, которая сейчас воспринимается как откровенно недружественная (см., напр.: [21]). Противопоставляя Путина Обаме, треть информантов подчеркнули специфику национальной мужественности российского президента, используя для сравнения образ «мужика»:

*Путин — это настоящий мужик;
В России мужики. Мужики! А в Америке мужчинки.*

Этот образ стал моделью новой российской маскулинности 2000-х гг., которая постепенно превратилась в гегемонную, определяющую критерии подлинной мужественности. Модель «мужика», создаваемая в противовес репрезентациям как советской, так и западной маскулинности, апеллирует к «подлинной русскости» (о содержании канона см.: [4]). Неслучайно, обосновывая превосходство Путина над Обамой в силе как одним из важнейших атрибутов маскулинности, информанты ссылались не столько на физическую силу президента, его спортивные успехи и опыт службы в разведке, сколько на «моральную силу» и русский характер.

Как уже упоминалось, восприятие событий международной жизни как «мужского разговора» влияет на репрезентации не только взаимодействия лидеров государств, но и самих государств. У участников интервью не вызвала затруднения просьба представить спор США и России в виде личного разговора. Примечательно, что большая часть наших собеседников увидели этот спор именно как разговор мужской. Несколько информантов уточнили и предмет разногласий: два мужчины, Россия и США, сражаются из-за женщины — Украины:

Россия и США — мужики. Потому что, как два мужика, борются за одну бабу (Украину) (Артур);

Два мужчины спорят по поводу Украины. Россия действует прямо и напористо, а США — исподтишка (Юлия).

Лишь однажды США были охарактеризованы с помощью женского образа — стервозной женщины. Что касается России, то вне контекста «мужского разговора» с США две трети информантов посчитали, что России значительно больше подходит ее традиционный образ женщины-матери:

Россия — женщина, потому что есть Родина-мать. Мать никогда не предаст, никогда не откажется от своих детей, потому что сильная и заботливая (Юлия);

Русь-матушка — это, конечно, женщина. Сильная баба: и в огонь, и в воду, защитит и утешит (Анастасия).

Предпочтение женскому образу России в условиях конкуренции на глобальной арене маскулинностей кажется парадоксальным только на первый взгляд. Родина-мать, как показали исследователи, воплощает не традиционные характеристики фемининности, а материнские силу, заботу и защиту — этот символ видится нашим информантам вполне конкурентоспособным [3].

Подведем итоги. Во-первых, поскольку традиционно считается, что власть предполагает обладание стереотипно мужскими качествами, а подчинение обусловлено их отсутствием, постольку превосходство в маскулинности трактуется как показатель превосходства России над Америкой и дает России право, по крайней мере, на независимую политику. Во-вторых, подобные представления, разделяемые общественным мнением и обсуждаемые в массмедиа, прежде всего в Интернете, тем самым вносят существенный вклад в легитимацию гендерного порядка. Успешность национальной маскулинности на международной арене позволяет легитимировать существующие в России гендерные отношения.

Библиографический список

1. Арт-выставка политических карикатур «Без фильтров». URL: <http://mger2020.ru/gallery/2014/10/31/75252> (дата обращения: 01.11.2014).
2. *Рябов О. В.* Национальная идентичность : гендерный аспект : дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2000. 300 с.
3. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка» : национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart ; Hannover : Ibidem, 2007. 290 с.
4. *Рябова Т. Б.* Пол власти : гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
5. *Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение современного российского антиамериканизма : (к постановке проблемы) // *Женщина в российском обществе.* 2012. № 3. С. 21—35.
6. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 3. С. 31—39.
7. *Скотт Д.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 405—437.
8. *Цалко Е. О., Рябова Т. Б.* Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов : (по результатам социологического исследования) // *Женщина в российском обществе.* 2010. № 2. С. 57—65.
9. *Cohn C.* Wars, wimps, and women: talking gender and thinking war // *Gendering War Talk* / ed. by M. Cooke, A. Woollacott. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1993. P. 227—246.
10. *Ducat S. J.* The Wimp Factor: Gender Gaps, Holy Wars, and the Politics of Anxious Masculinity. Boston (MA) : Beacon Press, 2004. 291 p.
11. Go hard like Vladimir Putin. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GIiSWtVq1r8>
12. *Gopnik A.* No more Mr. Tough Guy // *New Yorker.* 2014. July, 31.
13. *Hooper C.* Manly States : Masculinities, International Relations, and Gender Politics. New York : Columbia University Press, 2001. 297 p.
14. *Hutchings K.* Cognitive short cuts // *Rethinking the Man Question : Sex, Gender and Violence in International Relations* / ed. by J. L. Parpart, M. Zalewski. London ; New York : Zed Books, 2008. P. 23—46.

15. *Jeffords S.* The Remasculinization of America : Gender and the Vietnam War. Bloomington : Indiana University Press, 1989. 215 p.
16. *Riabov O., Riabova T.* Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
17. *Spike Peterson V.* Gendered nationalism: reproducing «Us» versus «Them» // *The Women and War Reader* / ed. by L. A. Lorentzen, J. Turpin. New York : NYU Press, 1998. P. 41—49.
18. *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge ; New York : Cambridge University Press ; Paris : Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1982. 528 p.
19. *Tickner J. A.* Gendering World Politics : Issues and Approaches in the Post-Cold War Era. New York : Columbia University Press, 2001. 200 p.
20. URL: <http://ex-army.blogspot.mx/2014/02/putin-vs-obama.html> (дата обращения: 25.11.2014).
21. URL: <http://lenta.ru/news/2014/11/24/americabiaka/> (дата обращения: 25.11.2014).
22. URL: http://vk.com/wall-38121615_1018044 (дата обращения: 01.11.2014).
23. URL: <https://twitter.com/Rogozin/status/494919386185355264/photo/1> (дата обращения: 01.11.2014).

АННОТАЦИИ

***Хасбулатова О. А.* Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики**

Осуществляется гендерный анализ кадровой политики в России по направлениям профессионального образования, занятости населения, развития персонала в профессиональной организации, продвижения женщин и мужчин на уровень принятия решений. На основе изучения документальных и статистических источников автор делает вывод о неполном использовании трудового потенциала российских женщин и предлагает ряд социальных технологий по применению гендерного подхода в государственной кадровой политике.

Ключевые слова: кадровая политика, гендерный подход, гендерная профессиональная сегрегация, политика гендерного практицизма.

***Айвазова С. Г.* Трансформация гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики**

Предпринята попытка ответить на вопрос: как в странах СНГ (и странах Балтии в качестве референтной группы) реформировался в последние два десятилетия гендерный порядок — в сторону выравнивания социальных возможностей (статусы, позиции) мужчин и женщин или, напротив, в сторону углубления неравенства (гендерные разрывы) между ними.

Аналитический материал подкрепляется данными докладов о глобальных гендерных разрывах, которые готовит Всемирный экономический форум в Давосе. Показано, как эти данные позволяют измерить глубину гендерного неравенства в различных сферах жизнедеятельности той или иной страны, а также обозначить его место в общемировом рейтинге глобального гендерного разрыва.

Ключевые слова: гендерное равноправие в странах СНГ, гендерные разрывы, эмпауэрмент, институциональные факторы, политика мобилизации масс, доклады «Глобальный гендерный разрыв».

***Гнедаш А. А., Степанова Е. А., Тезадова Д. А.* Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества (Обзор зарубежного опыта)**

Рассматриваются стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в постинформационном обществе. Исследуются четыре стратегических направления реализации государственной семейной политики и определяется эффективность их осуществления. Наряду с традиционными акторами семейной политики особо выделяются сетевые институционализированные и неинституционализированные организации, подробно исследуется их роль в семейной политике стран Европы.

Ключевые слова: семья, государственная семейная политика, сетевые сообщества, стратегии и технологии семейной политики, постинформационное общество, зарубежный опыт.

Шведова Н. А. Международное сообщество о гендерном равенстве

Завершается период, отведенный для реализации Целей развития тысячелетия на 2000—2015 гг., включающих и цель № 3 — о достижении гендерного равенства. Результаты и перспективам развития человечества в контексте гендерного равенства посвящена статья.

Ключевые слова: гендерное равенство, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Платформа действий, Пекинская декларация, 4-я Всемирная Пекинская конференция по положению женщин, «ООН-Женщины», Билль о правах женщин, ратификация.

Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации

Анализируются предпосылки, условия, причины и формы использования символа России-матери в дискурсе легитимации присоединения Крыма. Особое внимание уделено включению в риторику такой модификации материнского символа, как образ России-медведицы, заботливо опекающей своего медвежонка — Крым. Автор показывает, как дискурс легитимации эксплуатирует противопоставление образов России-матери и Украины-мачехи.

Ключевые слова: присоединение Крыма к Российской Федерации, символ «Россия-мать», украинский кризис 2013—2014 гг., образ Украины-мачехи, образ «русского медведя», политическая легитимация, политическая мобилизация, символическая политика.

Прокопенко Л. Я. Первые леди стран Юга Африки: политика и жизнь

Анализируется понятие «первая леди» применительно к странам Юга Африки. Возросшая в последние десятилетия общественно-политическая активность жен глав государств региона влияет на международный имидж этих стран. На фоне становления гендерного равенства в политической сфере как принципа государственной политики, который в большинстве стран реализуется на практике, роль первой леди значительно возросла.

Ключевые слова: первые леди, страны Юга Африки, гендерное равенство, имидж власти, политическая карьера, борьба со СПИДом.

Рябова Т. Б. «Путин vs Обама»: противопоставление национальных маскулинностей как фактор современного российского антиамериканизма

Анализируется, какую роль играют репрезентации двух президентов, В. Путина и Б. Обамы, в современном российском антиамериканизме: общественном мнении, глазах россиян и массмедиа. Работа основана на данных социологического исследования (интервью), проведенного в 2014 г., а также на анализе текстов и визуальных источников, опубликованных в российских массмедиа за период 2012—2014 гг.

Ключевые слова: российский антиамериканизм, В. Путин, Б. Обама, маскулинность, российско-американские отношения.

SUMMARIES

Khasbulatova O. A. Gender approach as increase of effectiveness technology in personnel policy

The article is devoted to the gender analysis of personnel policy in Russia in the spheres of professional education, employment, staff development to the decision level. On the base of numerous official and statistic documents the author comes to conclusion that Russian women's employment potential is underestimated and offers a number of social technologies for gender approach implementation into the state personnel policy.

Key words: personnel policy, gender approach, gender professional segregation, gender practicality policy.

Ayvazova S. G. Transformation of gender order in CIS countries: institutional factors and mass politics effects

The articles attempts to answer the question of the changes in gender order across CIS countries (and Baltic states as a reference group) in recent twenty years: if it was aimed at equalizing social opportunities (status, positions) of men and women or, on the contrary, at deepening the inequality (gender gaps).

The analysis is supported by the data of Global Gender Gap Reports made at World Economic Forums in Davos. The article uses the data obtained to give a picture of gender inequality in different life spheres in any given country and to determine the global gender gap in worldwide rating position.

Key words: gender equality, gender gaps, gender in CIS countries, empowerment, institutional factors, politics of mass mobilization, Global Gender Gap Reports.

Gnedash A. A., Stepanova E. A., Tezadova D. A. State and family strategies and technologies of interaction in post-information society (Review of international practices)

State and family strategies and technologies of interaction in post-information society are examined in the article. Four strategic directions of state family policy are studied; the effectiveness of their implementation is determined. Along with the traditional family policy actors, institutional and non-institutional networking organizations are highlighted, their role in Europe family policy is investigated in detail.

Key words: family, the state family policy, networking organizations, strategies and technologies of family policy, post-information society, international practices.

Shvedova N. A. The international community on gender equality

The period for the implementation of the Millennium Development Goals (MDGs) for 2000—2015, including the Goal № 3 on gender equality consummation is coming to an end. The article is devoted to the results and prospects of humanity in the context of gender equality.

Key words: gender equality, the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, the Platform for Action and the Beijing Declaration, the 4th World Beijing conference on Women, «UN Women», Bill of rights of women, the ratification.

***Riabov O. V.* The mother and the step-mother: maternal symbol of Russia in legitimation of Crimea joining the Russian Federation**

The article dwells upon the background, conditions, forms, and consequences of using maternal symbol of Russia in legitimation of Crimea joining the Russian Federation. The author pays a special attention to the use of the image of Russia as a she-bear who takes care of Crimea as a bear-cub. The author examines how the discourse of legitimation employs the image of Ukraine as a step-mother.

Key words: Crimea joining the Russian Federation, symbol of «Mother Russia», the Ukrainian crisis 2013—2014, image of Ukraine as a step-mother, image of the «Russian bear», political legitimation, political mobilization, symbolic politics.

***Prokopenko L. Ya.* First Ladies of Southern Africa: politics and life**

The article examines the concept of the First Lady in relation to the countries of Southern Africa. In recent decades social activities and political voice of heads-of-states' wives have increased and have a certain impact on the international image of these countries. Against the background of gender equality formation in the political sphere as a principle of public politics which is implemented in many countries, the role of the First Lady has significantly increased.

Key words: First Ladies, countries of Southern Africa, gender equality, image of state power, political career, AIDS control.

***Riabova T. B.* «Putin vs Obama»: opposition of national masculinities as a factor of contemporary Russian anti-Americanism**

The paper analyses the way in which representations of two presidents' masculinities, V. Putin and B. Obama, are exploited in contemporary Russian anti-Americanism — in public opinion and in mass media. It is based on the data of a social research (interview) in 2014 as well as on the analysis of texts and visual sources published in Russian mass media during 2012—2014.

Key words: Russian anti-Americanism, V. Putin, B. Obama, masculinity, Russian-American relations.

АВТОРЫ НОМЕРА

- АЙВАЗОВА**
Светлана Григорьевна доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
Институт социологии РАН (Москва).
svetlana-ajvazova@yandex.ru
- ГНЕДАШ**
Анна Александровна кандидат политических наук,
доцент кафедры государственной политики
и государственного управления,
Кубанский государственный университет (Краснодар).
anna_gnedash@inbox.ru
- ПРОКОПЕНКО**
Любовь Ярославовна кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник, Институт Африки РАН (Москва).
skole60@mail.ru
- РЯБОВ**
Олег Вячеславович доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
riabov1@inbox.ru
- РЯБОВА**
Татьяна Борисовна доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии
и управления персоналом,
Ивановский государственный университет.
riabova2001@inbox.ru
- СТЕПАНОВА**
Екатерина Андреевна аспирантка кафедры государственной политики
и государственного управления,
Кубанский государственный университет (Краснодар).
kobra_ketty@mail.ru
- ТЕЗАДОВА**
Диана Артуровна аспирантка кафедры государственной политики
и государственного управления,
Кубанский государственный университет (Краснодар).
tezadova@mail.ru
- ХАСБУЛАТОВА**
Ольга Анатольевна доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии
и управления персоналом,
Ивановский государственный университет.
oax37@mail.ru
- ШВЕДОВА**
Надежда Александровна доктор политических наук, руководитель
Центра социально-политических исследований,
Институт США и Канады РАН (Москва).
n.shvedova2015@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Хасбулатова О. А. Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики	3
Айвазова С. Г. Трансформация гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики	11
Гнедаш А. А., Степанова Е. А., Тезадова Д. А. Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества (Обзор зарубежного опыта)	23

СОВРЕМЕННОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Шведова Н. А. Международное сообщество о гендерном равенстве	32
---	----

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации	40
Прокопенко Л. Я. Первые леди стран Юга Африки: политика и жизнь	51
Рябова Т. Б. «Путин vs Обама»: противопоставление национальных маскулинностей как фактор современного российского антиамериканизма	63
<i>Аннотации</i>	72
<i>Авторы номера</i>	76

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF GENDER RESEARCH

Khasbulatova O. A. Gender approach as increase of effectiveness technology in personnel policy	3
Ayvazova S. G. Transformation of gender order in CIS countries: institutional factors and mass politics effects	11
Gnedash A. A., Stepanova E. A., Tezadova D. A. State strategy and technology interaction with family in postmodern society (Review of international experience)	23

CONTEMPORARY WOMEN'S MOVEMENTS

Shvedova N. A. The international community on gender equality	32
--	----

GENDER ASPECTS OF POLITICAL CULTURE

Riabov O. V. The mother and the step-mother: maternal symbol of Russia in legitimation of Crimea joining the Russian Federation	40
Prokopenko L. Ya. First Ladies of Southern Africa: politics and life	51
Riabova T. B. «Putin vs Obama»: opposition of national masculinities as a factor of contemporary Russian anti-Americanism	63
<i>Summaries</i>	74
<i>Authors of the issue</i>	76

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Материалы принимаются в электронном виде ответственным секретарем журнала.

Объем научных статей — 0,5 авт. л., т. е. 20 000 знаков с учетом пробелов (в исключительных случаях до 1 п. л.) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материал для журнала должен быть оформлен в такой последовательности: **ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с приставным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленного материала следует указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, адрес электронной почты (для публикации в журнале), а также полный почтовый адрес автора, его телефон (для рассылки журнала и взаимодействия с редакторами).

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материал, представляемый к публикации в журнале, будет проходить научную экспертизу и публиковаться, если редакционный совет получит положительную рецензию.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку и корректирование текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 4 (73) — 2014

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *О. В. Боронина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 17.12.2014 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 250. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru